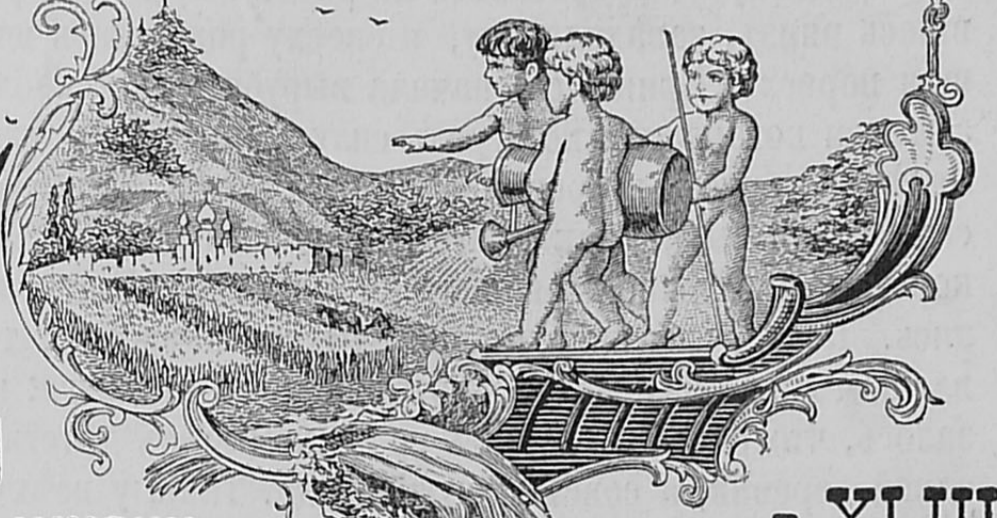

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLIII

№ 41

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

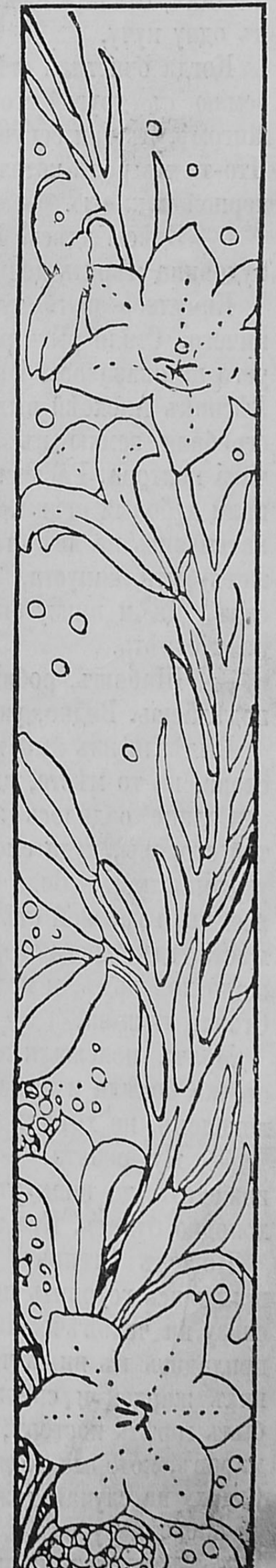
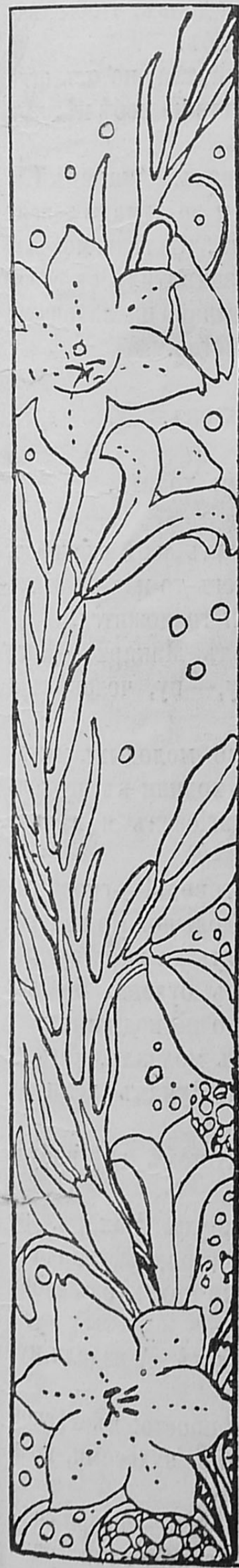
Выданъ 13-го октября 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 6.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1912 ГОДА.

Ж. Жакэ. „Віола“.

К л а д ъ.

Разсказъ Г. Яблочкова.

(Продолженіе).

VI.

Передохнувъ, набросились на работу. Крыша погреба, обрушившись внизъ, завалила яму, и сверху разрослась по ней густѣйшая поросль. Пришлось сначала вырубить ее, скопать лопатами землю и потомъ только черезъ силу вытаскивать тяжелые, окаменѣвшіе брусья и бревна. Работали молча, обливаясь потомъ, и само собой вышло такъ, что распоряжался всеѣмъ Макаръ. Онъ коротко, вполголоса говорилъ, что нужно дѣлать, и его слушались. Когда, измучившись, передыхали немножко, тогда съ удивленіемъ, но тоже молча, смотрѣли другъ на друга: каждому казалось, что рядомъ съ нимъ не знакомые съ дѣтства мужики съ одной деревни, а совсѣмъ чужіе люди. Такія у всеѣхъ были блѣдныя лица и блестящіе глаза. Это дѣлало золото. Чувствовалось, какъ оно позваниваетъ, переливаясь грудями, тутъ же, сейчасъ, всего на два—на три аршина подъ землей.

Выволокли бревна, раскопали погребъ, очистили съ боковъ дубовыя стѣны. Передохнувъ, снова принялись за работу. Яма погреба была сажени двѣ въ длину, сажени полторы въ ширину и, должно-быть, не меньше сажени въ глубину. Большой былъ погребъ. Все трое стояли на днѣ и расчищали лопатами боковой настиль, отчасти выкидывая землю наверхъ, отчасти сгребая ее въ одну кучу.

Когда очистили стѣны съ одного бока и принялись скапывать землю съ другой стороны, лопата Макара звякнула обо что-то. Мигомъ, въ три секунды, раскидали все и увидѣли черную вещь. Что-то въ родѣ котелка съ дужкой, обросшаго со всеѣхъ сторонъ черной накипью.

— Здѣсь! здѣсь! Братцы!..—захлебнулся Степанъ.—Мѣдная пудовина мѣряетъ денѣги!..

Кинулись рыть тутъ же, гдѣ лежалъ котелокъ, но не нашли ничего. Стали рыть рядомъ, потомъ немного дальше — тоже ничего не оказалось. Рѣшили тогда вынуть изъ погреба всю землю. Лѣсникъ Алексѣй вылѣзъ и сталъ на краю, Макаръ и Степанъ сгребали землю въ зипунъ и подавали ее наверхъ. Работали часа полтора. Расчистили съ одной стороны окончательно, откопали дубовыя стѣны, нашли обломки лѣстницы, въ одномъ углу наткнулись на двѣ старыхъ кадки, въ которыхъ что-то было, можетъ-быть, капуста, а можетъ-быть, огурцы. Больше не хватило силъ. Да и внизу было уже совсѣмъ темно, ничего нельзя было рассмотреть.

— Шабашъ, робя! — устало сказалъ Макаръ. — Ничего не подѣлаешь. Видно, ужъ до завтра.

Вылѣзли изъ ямы и, шатаясь, какъ пьяные, пошли на берегъ озера, на то мѣсто, гдѣ утромъ варили чай. Тамъ легли.

Солнце садилось за деревьями, и небо горѣло закатомъ. Съ той стороны, куда смотрѣлъ лѣсистый конецъ озера, надвигалась угрюмая жуть. Вода была тамъ еще страшнѣе и чернѣе, чѣмъ всегда, и грозной стѣной поднимался потемнѣвшій лѣсъ. Съ того мѣста, гдѣ берега озера, понижаясь, сливались съ болотомъ, дышало холодомъ, и полосой ползъ бѣлый, какъ молоко, туманъ. Стояла тишина.

Молча полежали на берегу. Все были разбиты, каждая косточка болѣла и ныла. Не говорилось. Никто, даже Степанъ-Колоколець, не хотѣлъ выдавать своихъ тайныхъ думъ.

— Ну, ребята! — сказалъ потомъ Макаръ: — айда-те! Надо пожевать, да подкуръ, что-ли, сдѣлаемъ. А не то здѣсь, я чай, холодно будетъ. Кто за водой пойдетъ?

Пошелъ Степанъ. Макаръ съ Алексѣемъ развели костеръ и принялись готовить подкуръ. Надо было обрубить у большой ели снизу на человѣческой ростъ лапы, вбить въ землю четыре кола, приладить къ нимъ четыре перекладыны, наложить на нихъ тонкихъ жердей и сверху наслать еловыхъ лапъ. Внизу долженъ былъ горѣть костеръ, чтобы давать тепло и отгонять дымомъ комаровъ, которые подъ вечеръ начали тучами налетать съ болота. Сверху на случай дождя, какъ шатеръ, защищали вѣтки ели.

Алексѣй рубилъ и обчищаль для жердей молодья елочки, Макаръ заострялъ и прилаживалъ колья. Оба работали молча.

Солнце уже сѣло за лѣсъ, вода на озерѣ почернѣла, какъ сажа. Еще глубже стала тишина, только позвякивали легонько топоры. Какъ вдругъ отъ ужаса у обоихъ перехватило дыханье, и дыбомъ встали волосы: съ той стороны, куда ушелъ Степанъ, закричало и завывало такъ, какъ-будто тамъ дралъ человѣка медвѣдь.

Кинувшись сквозь чащу, столкнулись со Степаномъ. Онъ, какъ слѣпой, бѣжалъ прямо на нихъ. Только у костра онъ отдышался, пришелъ въ себя и смогъ говорить. Отправившись къ тому мѣсту, гдѣ были ступеньки, онъ опустил честь-честью къ озеру, зачерпнулъ себѣ въ котелокъ воды, и стало ему почему-то страшно. Пошелъ поскорѣе назадъ, а наверху овражка—ему надо было повернуть направо — стоитъ вдругъ слѣва человѣкъ съ палкой въ рукѣ и говорить:

— Такъ-то я вамъ свои денѣги и отдамъ!

Какъ густой дымъ отовсюду — изъ земли, изъ темнаго лѣса, съ почернѣвшаго озера—поднялся и поползъ ужасъ. Все молчали. Никто не сказалъ, но каждый понялъ: „атаманъ Савелій“. У всеѣхъ зашевелились волосы, заныли ноги, и захотѣлось веко-чить, пуститься безъ оглядки бѣжать.

За водой такъ и не пошли. Молча порѣшили остаться безъ чаю. Держась вмѣстѣ и оглядываясь, нарубили дровъ, чтобы хватило на ночь, и молча стали жевать сухой хлѣбъ.

Костеръ горѣлъ, и хотя вдаль было еще свѣтло, но отъ огня кругомъ стояло темнота. Сквозь дымъ выступали на небѣ нѣжныя звѣзды, придвигался и пугалъ страшный лѣсъ.

Потомъ стало легче. Первый ужасъ прошелъ. Атаманъ Савелій не приходилъ. Но никто изъ мужиковъ и не думалъ теперь о томъ, чтобы спать. Сонъ бѣжалъ совсѣмъ. Сидѣли молча у костра, пекли въ золѣ картошку, которую захватилъ съ собой запасливый Алексѣй. Дули на нее, перекидывая на ладоняхъ, снимали кожуру и понемногу ѣли, какъ лакомство.

Первый заговорилъ лѣсникъ Алексѣй.

— Потревожили... — задумчиво произнесъ онъ.

— А? — пугливо откликнулся Степанъ.

— Потревожили, говорю... Вотъ онъ теперь ходитъ.

— Кто?

— Да атаманъ-отъ... Сколько годовъ лежалъ себѣ спокойно, а тутъ, на-ка-съ, мы пришли. Онъ изъ-за денегъ-то изъ-за этихъ душу загубилъ, а мы ихъ взять хотимъ. Онъ и тревожится.

— Да будетъ тебѣ!—съ сердцемъ сказалъ Макаръ.—Кого тамъ еще потревожили! Померещилось Степану,—ну, человѣкъ и перепугался. А то потревожили!..

Ни Макаръ ни Степанъ, какъ большинство молодыхъ мужиковъ, не вѣрили ни въ Бога ни въ чорта, не ходили въ церковь и не любили поповъ. Алексѣй же былъ религіозенъ и вѣрилъ во все.

— Нѣтъ, братъ Макарушка, этого ты не говори!—снова задумчиво продолжалъ онъ.—Такъ это и быть должно. Не померещилось это. Онъ теперь будетъ кругомъ ходить да насъ пугать. Только сдѣлать ничего не сможетъ. А пугать будетъ. Бояться только не надо. Супротивъ молитвы ему ничего не подѣлать.

Всегда словоохотливый Степанъ-Колоколець молчалъ. Онъ до сихъ поръ еще не могъ прійти въ себя. Подумавъ немного, Алексѣй сказалъ:

— Онъ, можетъ, сейчасъ уже тутъ за кустомъ гдѣ-нибудь стоитъ. Только подпускать его близко не надо.

— Да будетъ тебѣ!—съ сердцемъ крикнулъ Макаръ, но Алексѣй спокойно всталъ и пошелъ вокругъ костра, быстро окрещивая каждый вершокъ земли. Сдѣлавъ полный кругъ, онъ снова сѣлъ.

— Теперь онъ къ намъ и близко не подойдетъ. А издали пугать будетъ. Это, быть-можетъ.

Алексѣй говорилъ обо всемъ этомъ очень просто: въ лѣсной жизни ему приходилось встрѣчаться со всякими чудесами, но и Степану все болѣе становилось не по-себѣ.

— Только бояться не надо,—продолжалъ онъ.—Твори себѣ молитву—и ничего онъ тебѣ не сдѣлаетъ. Я, ребята, одинъ разъ

съ лѣшнимъ повстрѣчался, и то ничего. Шель изъ Карпихи въ Графское, иду себѣ лѣсомъ, зимой дѣло было. Луна это свѣтитъ, на небѣ облачки, а онъ черезъ дорогу и переходитъ. Закрестился я, прочиталъ молитву—онъ и прошелъ. Не тронулъ.

— Видѣлъ его, что ли, ты?—насмѣшливо спросилъ Макаръ.

— Какъ не видѣть, видѣлъ. Человѣкъ, какъ человѣкъ, только ростомъ выше лѣсу. Только тогда, братъ, я постоялъ-постоялъ, да все-таки въ Карпиху опять воротился. Дальше лѣсъ больно густой, такъ побоялся.

— Да ты, можетъ, и самого чорта видѣлъ?— снова насмѣшливо спросилъ Макаръ.

Алексѣй тихонько засмѣялся:

— Чорта, братецъ ты мой, я одинъ разъ поймалъ, не то что видѣлъ. Лѣсникомъ я тогда былъ у Титова. А знаешь, тамъ въ дачѣ-то у нихъ озеро Издергино, громаднѣйшее? Такъ поставилъ я тамъ въ истокъ морду—рыба тамъ хорошо ловится; выѣзжаю это утромъ, по разсвѣту, на лодчонкѣ, вынимаю, понимаешь, морду, а онъ тамъ и сидитъ. Я его скорѣй крестить. Закрестилъ, закрестилъ, да въ пестерь. Визжалъ—страсть! Только маленькій чертенокъ-отъ,—неважный, должно-быть, зеленый такой, да склизкій, въ полъ-аршина, не болѣ. Принесъ его потомъ домой, говорю женѣ:—Настасья, моль, чорта я сегодня поймалъ!— Да въ баню его съ пестеромъ-то и бросилъ. Такъ чтѣ же ты думаешь? Въ ту же ночь баня-то сгорѣла. И изба чуть-чуть не занялась...

Стало совсѣмъ темно. Озеро невидимо лежало сзади. Стояла полная тишина. Поднималась сырость, и если взглянуть хорошо, то можно было видѣть, какъ тамъ, гдѣ было болото, колыхалось бѣлое. Подбросили дровъ въ костеръ. Страхъ постепенно проходилъ. Атаманъ Савелій не являлся, мысли сами собой возвращались къ кладу.

— А завтра, братцы,—сказалъ Макаръ:—надо правый уголъ въ погребу-то очистить. Тамъ, должно-быть, у нихъ схоронено все и было. А то, можетъ, они и поглубже зарыли. Ну, да завтра все раскопаемъ. Коли есть, такъ найдемъ.

Потрескивалъ костеръ. Алексѣй, опустивъ голову и покачиваясь, началъ посвистывать носомъ.

— А чтѣ, ребята, спать-то будемъ, что ли?—спросилъ, поѣвывая, Макаръ.—Утромъ работу надо рано начинать.

— А?—переспросилъ проснувшійся Алексѣй.—Спать? По-спать надо бы. Вотъ навалимъ около костра лапъ, да и поспимъ. Теперь спокойно будетъ.

Онъ всталъ, подбросилъ въ костеръ дровъ, зѣвнулъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали срубленные лапы. Въ озерѣ, въ томъ концѣ, что-то сильно всплеснуло. Макаръ со Степаномъ вздрогнули и обернулись. Прошло нѣсколько времени—можетъ-быть, много, можетъ-быть, мало—и снова плеснуло, сильнѣе и ближе, словно что-то большое выскочило изъ воды.

— Рыбина,—хрипло сказалъ Степанъ.

— Рыбы въ этомъ озерѣ быть не должно,—что-то соображая, отвѣтилъ Алексѣй.

Плеснуло въ третій разъ, у самого берега, совсѣмъ близко, такъ что слышно было, какъ, закипѣвъ, побѣжала къ землѣ волна. Алексѣй началъ быстро креститься. Снова была тишина, дѣлалось въ ней что-то, и подходилъ несказанный ужасъ. И вдругъ издали, изъ самой глубины озера, тихо ударилъ колоколь. Подождаль немного, снова ударилъ и запѣлъ ясно и нѣжно. И точно только и ждали этого звона—сейчасъ же, гдѣ-то справа, оттуда, гдѣ былъ разрытъ погребъ, изъ страшной тьмы деревьевъ, отвѣтилъ протяжный стопъ. Замолчалъ, подождаль и застоналъ опять. Еще прошло время—и залился, всхлиывая, горькимъ плачемъ и жалобой человѣческой голосъ.

— Святъ, святъ, святъ!..—громко говорилъ, часто крестясь, Алексѣй.—Неспокойно здѣсь, братцы. Кладите крестное знаменіе. Святъ, святъ, святъ!..

Черная птица шарахнулась, налетѣвъ на самый костеръ, и съ пискомъ закружилась въ отблескѣ пламени.

— Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѣ!..—щелкая зубами, громко твердилъ Алексѣй. Вдали, въ темной глубинѣ, слѣва поднялся гулъ и, треща деревьями, быстро покатился по лѣсу.

Всѣ вскочили и стояли. Грохотъ и трескъ ураганомъ мелькнулъ

мимо костра, брызнуль въ лица сучьями и землей и съ гуломъ обрушился съ крутого берега въ воду. Кто-то отчаянно, какъ младенецъ, кричалъ тонкимъ голосомъ, и мужики со вздыбившимися волосами неслись по лѣсу. Ихъ хватало, за ними кричало, плакало и хохотало; они кувыркались черезъ поваленныя колоды, и у каждаго была только одна мысль: не отстать отъ товарищей и не остаться одному.

Черезъ часъ они опомнились, какимъ-то чудомъ попавъ въ вырубленный березнякъ, верстахъ въ двухъ отъ той самой мельничной плотины, по которой перебрались на эту сторону.

Тамъ отдышались и развели костеръ.

— Ну васъ и съ вашимъ кладомъ совсѣмъ!..—сказалъ Алексѣй и, свернувшись около огня, молча улегся спать.

VII.

Утреннее солнце цѣловало бѣлые стволы березъ и осинъ, и онѣ стояли такія нарядныя, точно въ лѣсу былъ праздникъ. Синія тѣни лежали на росистой травѣ, высокіе папоротники вытягивали убранные алмазами листья, и ландыши робко высывали головки изъ укромныхъ мѣстъ. Рѣка Крякша, разливаясь въ мельничный прудъ, заросшій балаболками и осокой, сверкала и искрилась подъ веселыми лучами. Около ивняка, свисаго къ самой водѣ, озабоченно крякая, плыла дикая утка, оглядываясь на ленточку желтыхъ утятъ, спѣшащихъ за нею. Вдали виднѣлась плотина, и мирно стояла мельница. Ночь прошла и унесла съ собой ужасъ. Выспавшись, мужики наши чувствовали себя бодро, и въ нихъ просыпались прежнія надежды. Было только стыдно смотрѣть другъ другу въ глаза, и когда Макаръ, рѣшивъ позабыть свой собственный страхъ, насмѣшливо сказалъ:

— Ну, воины! Припасъ-то вѣдь, чай, бросать нельзя? Пойдемте, что ли, за лопатами и топорами,—всѣ быстро вскочили и зашагали къ вчерашнему мѣсту.

Черезъ часъ были снова у озера. И странное дѣло!—едва увидѣли они черную воду, угрюмые берега и обрушившіеся въ воду деревья, какъ сейчасъ же вчерашній страхъ самъ собою вошелъ въ души и шевельнулъ волосы на головѣ. Замедливъ шаги и оглядываясь, мужики пробирались по лѣсистой гривѣ къ заросшей папоротникомъ и осинникомъ полянкѣ, на которой работали вчера.

Тлѣющій костеръ былъ на своемъ мѣстѣ. Тутъ же лежали котелокъ, лопаты и топоры. На сучкахъ висѣли котомки съ хлѣбомъ. Все было по-вчерашнему, и однако все измѣнилось, точно только-что здѣсь былъ кто-то—настоящій хозяинъ—быстро спрятался, услышавъ шаги, и теперь хитро подсматривалъ за гостями изъ-за кустовъ. И отъ этого отравлялъ душу ядовитый страхъ. Первый поддался Степанъ: позеленѣлъ, сталъ оглядываться и потомъ сказалъ:

— Вотъ чтѣ, братцы! Айда-ка лучше домой!..

Но Макаръ былъ смѣлый и рѣшительный мужикъ. Онъ вспомнилъ о Варварѣ, о золотѣ, которое, можетъ-быть, лежитъ тутъ же, совсѣмъ близко подъ землей, и ему ударила въ голову кровь.

— Нечего, нечего, ребята!—началъ онъ увѣренно и громко.—Вчера мы трусу праздновали, а сегодня будетъ. Въ озерѣ рыбина плескалась. И кто это выдумалъ, что здѣсь рыбы быть не можетъ? Да сюда изъ Крякши въ разливъ, чать, такія щуки заходятъ, что страсть! Звонили въ Спасскомъ—часы били, по ночи звонъ далеко идетъ. Плакала сова, либо выпь—имъ здѣсь самый водъ. А мимо пробѣжалъ сохатый. Должно-быть, его рысь драла. А мы испугались. Ну, да ничего. Чайку попьемъ, закусимъ—и за работу. Айда за водой!

Отправились втроемъ къ оврагу, гдѣ были ступеньки, спустились къ водѣ, зачерпнули, пошли назадъ.

— Здѣсь, что ли, человѣкъ-то вышелъ?—насмѣшливо говорилъ Макаръ, когда поднялись на верхъ оврага.—Вотъ тебѣ и человѣкъ!

Онъ указалъ на сѣрый обомшлѣный пенъ, стоявшій налѣво на краю оврага.

— Его ты и испугался. Въ сумерки какъ есть атаманъ Савелій. Разложили костеръ, поѣли хлѣба, попили чаю.

— Айда,—сказалъ рѣшительно Макаръ:—за работу!

Отправились къ разрытому погребу, сошли въ яму и принялись копать. Рѣшили расчистить правый уголъ противъ лѣстницы. Черезъ часъ вытащили всю землю, откопали до самого низу

Л. Фроммэ. Могила героя.

Орестъ Шизо. Искушеніе.

дубовыя стѣны, отрыли совсѣмъ дно и стали его взрывать. Разгорячась, работали съ увлеченіемъ, и снова казалось всемъ, что вотъ-вотъ подъ слѣдующимъ ударомъ зазвенятъ и посыплотся груды золота.

Но лопаты все глубже врѣзались въ землю, съ мужиковъ давно уже ручьями лилъ потъ, а въ землѣ все не находилось ничего. Первымъ сдалъ Алексѣй-лѣсникъ. Остановилъ работу, оперся на лопату и сказалъ:

— Вотъ что, ребята! Не иначе, какъ это онъ вчерась сохатымъ обернулся, да въ озеро и ушелъ. Нѣтъ уже его здѣсь. А не то такъ въ землю онъ отъ насъ идетъ. Такъ мы его, видно, не получимъ.

— Да ври ты больше!—крикнулъ на него Макаръ.—Замолоть! Если были деньги, такъ тутъ онъ и есть. А вынулъ ихъ кто, или не было ихъ вовсе, тогда ничего и не будетъ. Айда, ребяташки, налегай, налегай!

Послушались, заработали опять, снова обливаясь потомъ, но все чаще начали сдавать. То и дѣло останавливался то Алексѣй, то Степанъ, а то и самъ Макаръ. Рѣшили наконецъ хорошенько передохнуть и сѣли тутъ же, въ ямѣ.

Было уже около полудня, и стояла сонная тишина. Только иногда противно стрекотала сорока, пронзительно вскрикивала сойка, да дружно гудѣли слѣпни. Лѣсъ стоялъ, какъ замороженный, тѣни глубоко прорѣзали чащу, и что-то курилось надъ вершинами, какъ невидимый дымъ.

Отдохнувъ, опять принялись за работу. Начали вынимать изъ ямы землю, чтобы удобнѣе было рыть дальше. Сначала, какъ вчера, Алексѣй всталъ наверху, а ему снизу подавали Макаръ со Степаномъ; но скоро Алексѣй сталъ бояться стоять одинъ спиною къ лѣсу, и къ нему вылѣзъ Степанъ. Когда вытащили всю землю, оба соскочили внизъ, и снова всѣ принялись копать.

Земля была уже срыта на цѣлый аршинъ ниже дубовой обшивки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прокопались еще глубже и все-таки не находили ничего. Степанъ съ Алексѣемъ давно бы уже бросили все, но неутомимый Макаръ подбодрялъ ихъ, покрикивая:

— Ну-ка, ну-ка, ребяташки! Нажимай, нажимай!..

Подчиняясь ему, какъ во снѣ, нажимали на заступы и выворачивали одинъ отрѣзъ за другимъ. Было жарко, солнце поливало сверху точно кипяткомъ, гудѣло и жужжало въ ушахъ, въ глазахъ вертѣлись разноцвѣтныя мухи, работали, какъ въ забытьѣ, и вдругъ оглянулись оттого, что съ шумомъ посыпалась сверху земля.

Оглянулись, да такъ и застыли. Наверху, на откосѣ выкинутой земли, стоялъ большой мужикъ съ широкой бородой и съ длинной палкой въ рукѣ. Совсѣмъ обыкновенный мужикъ, какихъ каждый встрѣчалъ много и на базарахъ и въ окружныхъ деревняхъ,—стоялъ, посмѣиваясь, смотрѣлъ на нихъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

— А что, ребята? Аль копаете кладъ?

Степанъ крикнулъ не своимъ голосомъ, крикнули и Алексѣй съ Макаромъ. Обрываясь и падая, полѣзли изъ ямы, выскочили и пустились бѣжать.

— Да погоди! Куда вы, черти? Эй!—гремѣлъ имъ вслѣдъ голосъ, страшно хохоча, по всему лѣсу. Они безъ памяти бѣжали все дальше, и ужасъ былъ тѣмъ огромнѣе, чѣмъ ярче свѣтило солнце и чѣмъ тише было кругомъ.

VIII.

На слѣдующій день — это была пятница — Макаръ запрегъ утромъ лошадь, положилъ въ телѣгу выкованные за послѣднія двѣ недѣли гвозди и, ни словомъ не перемолвившись съ Еленой, поѣхалъ въ городъ. Гвоздей было мало, и денегъ съ желѣзной лавки, куда онъ сдавалъ ихъ, причиталось совсѣмъ пустяки, но Макаръ все-таки поѣхалъ. Было невыносимо оставаться дома.

До города было 15 верстъ. Дорога шла то лѣсомъ, то полями, и какъ разъ на половинѣ пути стояло село Макарьево, къ приходу котораго принадлежало Кузьмино. Проѣзжая селомъ, Макаръ только мелькомъ взглянулъ кругомъ и снова опустил голову. О томъ, что случилось у озера, онъ не думалъ совсѣмъ. Вернувшись въ деревню, онъ быстро все позабылъ: старое горе сейчасъ же наполнило душу, и походъ за кладомъ показался просто сномъ. Да и не вѣрилъ онъ по-настоящему въ него никогда. Поэтому, когда сегодня утромъ зашелъ къ нему осунувшійся, съ заострившимся

посомъ Степанъ-Колоколецъ, Макаръ не захотѣлъ съ нимъ даже говорить, а просто-напросто выругалъ его самыми послѣдними словами.

Встряхиваясь отъ толчковъ, Макаръ сидѣлъ бокомъ на телѣгѣ, и тоска ѣла ему душу, какъ дымъ. Что-то теперь съ Варварой, съ сердечной? Ему такъ и не удалось ее повидать. А бабьи языки работали во всю. Вся деревня судачила, стрекотала, жалила и шипѣла. Онъ вспоминалъ, что дошло до него стороной, и его такъ и сгибало—свалиться въ телѣгу и лечь ничкомъ. Но онъ справлялся, кричалъ на саврасаго:—Но-о!—и, не глядя, ударялъ его возжей.

— Макаръ:—радостно окликнулъ его знакомый голосъ, и къ телѣгѣ подбѣжалъ Вася. Онъ былъ босикомъ, въ посконной рубахѣ, но съ лихо заломленнымъ на самый затылокъ картузомъ.—Аль тоже въ городъ собрался? Вотъ хорошо-то! А я иду да думаю: кто бы изъ нашихъ подвезъ. Да такъ, почитай, десять верстъ и проперъ—никто не догналъ. Подвезешь, что ли?—И сейчасъ же, не дожидаясь приглашенія, вскочилъ въ телѣгу.

— Ты чего въ городъ-то? Зачѣмъ?—нехотя спросилъ Макаръ.

— А вотъ, братецъ ты мой, — Вася поднялъ лукошко, изъ котораго гнѣвно глядѣла красноглазая голова пѣтуха: — этого самаго несудать продавать. Думалъ, братъ, думалъ, три дня, почитай, думалъ, что бы въ городъ снести. Ничего придумать не могъ. А онъ возьми да и скричи. Пѣтухъ-то! Такъ и осѣнило! Вотъ, думаю, кого надо продать! И Хамъ досажу, и въ городъ побываю, и выпить на что будетъ. Скралъ пѣтуха да задами и убѣгъ. Важный пѣтухъ. Первый въ деревнѣ. Куры отъ него несутся первый сортъ.

Макаръ невольно усмѣхнулся, — Вася былъ смѣшной мужикъ. Всей своей незлобивой душой онъ ненавидѣлъ только одного человека на свѣтѣ—Хаму. Когда померла его первая жена, сосѣди для смѣху уговорили его жениться на второй. Разыскали въ дальней деревнѣ огромную старую дѣвку, ссудили ему на смотрины посуды, одежды и скотины, и Вася надулъ свою невѣсту, за что и поплатился жестоко. Очувившись послѣ свадьбы въ пустой избѣ, жена показала такіе крѣпкіе кулаки и такой зычный голосъ, что деревня сейчасъ же прозвала ее Хамой, а Вася спился въ конецъ.

— Повертится теперь Хамка-то,—весело болталъ онъ.—Другого-то пѣтуха нѣту. Есть, да только совсѣмъ махонькій, плевый такой пѣтушишка. А этотъ — чисто генераль. Гляди-ка, какъ смотритъ!.. А вы, Макаръ, слышно, за кладомъ ходили? Болтаютъ въ деревнѣ. Напугались, будто, шибко вы, да сдуру. Федоръ съ Митрихи смолу докуривать ходилъ; идетъ назадъ, да и нашель на васъ. Видитъ, что-то копаютъ, да и спросилъ. А вы-то и испугайся... Такого лататы задали, что въ лѣсу гудѣло! Смѣются въ деревнѣ-то. Правда ли, нѣтъ, не знаю.

Макаръ промолчалъ. Рѣшивъ, что ему просто стыдно, Вася изъ деликатности прибавилъ:

— Знамо, хвастятъ. Вѣдь у насъ сейчасъ невѣсть что выдумаютъ.

— Было всего...—коротко отвѣтилъ Макаръ и снова понурилъ голову.

Вѣхали на пригорокъ, показался городъ. Черезъ полчаса подѣхали къ кузнямъ, проѣхали длинную песчаную улицу, завернули налево и очутились на площади, гдѣ въ два ряда стояли каменные ряды и кишѣлъ народъ.

— Ну, спасибо, Макарушка! Пойду теперь пѣтуха опредѣлять,—сказалъ Вася и побѣжалъ въ сосѣдную улицу.

Черезъ часъ Макаръ покончилъ всѣ свои дѣла: получилъ деньги и закупилъ, что было нужно, для дома. Онъ поставилъ на дворѣ у знакомаго мѣщанина лошадь и снова пошелъ на базаръ. И тутъ, въ толпѣ, тоска, которая до сихъ поръ только сбоку посасывала сердце, сразу поднялась, какъ угаръ. Макаръ толкался безъ цѣли по базару, нехотя отвѣчалъ на оклики знакомыхъ мужиковъ и чувствовалъ, что слабѣетъ совсѣмъ. Хотѣлось забиться куда-нибудь въ темный уголъ и сидѣть тамъ, не шевелясь.

Неизвѣстно, какимъ образомъ онъ очутился въ трактирѣ, сѣлъ за столикъ среди галдящей толпы, спросилъ себѣ полбутылки, выпилъ одну за другой три рюмки и сразу охмелѣлъ.

— Макарушка!—окликнулъ его веселый голосъ, и рука Васи хлопнула его по плечу.—Вотъ гдѣ нашель дружка! А нашихъ нѣтъ никого. Должно, мы съ тобой только одни.

— Садись, Вася! — заплетаясь языкомъ сказалъ Макарь. Ему сразу стало хорошо, что пришелъ этотъ легкій и веселый мужикъ. — Выпей рюмочку...

— Рюмочку что! — отвѣтилъ Вася. — Мы и полбутылочки разошьемъ.

— Али пѣтуха продалъ? — вспомнилъ Макарь.

— Продалъ, братъ, продалъ! — радостно говорилъ Вася. — Да еще какъ продалъ-то, голова! Полтинникъ докторша дала да двѣ рюмки водки поднесла. Такая чудесная барыня! Еще, молъ, говорить, цыплятъ приноси, мнѣ слышь, скучно, такъ я хотѣ птичникъ себѣ разведу. Надо будетъ у Хамы и второго пѣтушишку скрасть. — Вася сиялъ отъ радости. Выпили по рюмкѣ, закусили воблой, выпили еще. Въ головѣ у Макара начало какъ-будто проясняться, и въ немъ, постоянно замкнутомъ и молчаливомъ мужикѣ, просыпалась теперь говорливость. Неудержимо захотѣлось высказать все, что давило душу, и высказать этому пріятному мужику, сияющая фizioномія котораго, расплываясь, торчала у него передъ глазами. Тряхнувъ головой, Макарь стукнулъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Эхъ, Вася! Другъ! Понимаешь?..

Василій сразу же понялъ, — Макарь видѣлъ это и потому продолжалъ:

— Ужъ такая-то, братъ, бѣда, такая бѣда, что и сказать тебѣ не могу. Чисто не человекъ я сталъ. Извело меня въ конецъ.

Василій изо всѣхъ силъ кричалъ, что все пустое, устроится все, лѣзъ цѣловаться и уговаривалъ выпить. Но Макарь отталкивалъ рюмку и снова твердилъ:

— Да, братъ, бѣда!.. Ужъ такая-то ли бѣда... — Ему надо было говорить. Мощной рукой онъ усаживалъ на мѣсто Васю и продолжалъ: — Понимаешь, другъ? Вотъ скажи мнѣ сейчасъ: дай жилы вытянуть — ни слова не промолвлю — на, тяни! Глазомъ не моргну, если для нея. А она мнѣ въ родѣ какъ дочь. Варвара-то! Еленкина дочка. А я, братъ, ее полюбилъ!

— Да какая тебѣ дочь? — надрываясь, кричалъ Василій. — Плюнь ты тому въ глаза, кто скажетъ, что она тебѣ дочь. Ты ее, Макарь, люби! Это, братъ, я тебѣ вѣрно скажу. Это въ Антипихѣ Иванъ Черный съ родной дочкой живетъ — такъ то грѣхъ. А ты можешь!..

— Да нѣтъ, постой! — продолжалъ Макарь. — Она говоритъ: нельзя, молъ. Это грѣхъ. Не могу я супротивъ матери итти...

— Это, братъ, правильно, — вскакивалъ Вася. — Ужъ что вѣрно, то вѣрно! Противъ матери дитю-итти нельзя!

— Да постой, погоди! — снова усаживалъ его Макарь. — Про что я тебѣ и говорю! Знаю самъ, что грѣхъ, а можетъ, и не грѣхъ, кто его знаетъ. Да ты погляди: смотришь я на Елену не могу. Зашибу ее какъ-нибудь, какъ жабу...

— И зашиби! Выпей, Макарушка, другъ! Ужъ что вѣрно, то вѣрно! Я бы самъ свою Хаму сейчасъ зашибъ!.. Ужъ такая стерва-баба, такая стерва, что самъ чортъ хуже не выдумаетъ! Изъ всѣхъ стервъ стерва!

— Да постой! — кричалъ Макарь. — Ты меня слушай! Ошибка тутъ вышла. Знаешь вѣдь самъ! Былъ я несмысленный парнишка, ни кола ни двора. Ну! А она мнѣ хозяйка. Лестно. Уваженіе, то се. Чуешь? Развѣ я понималъ? А она меня на десять годовъ старше. Понялъ? А тутъ Варвара. Ей 12, а мнѣ 21. Ей 19, а мнѣ 28. А Еленѣ 40. И глазомъ мигнуть не успѣли. Рядомъ росли. Тогда только и оглянулся, какъ замужъ выдали. Тутъ и затосковалъ.

— Правильно! — кричалъ совсѣмъ пьяный Вася. — А я тебѣ что говорю! Какой же ей Гришка мужикъ? Соплякъ, такъ соплякъ и есть!

— Да погоди, дай сказать! Я тебѣ говорю: мы, можетъ, и Богъ вѣсть сколько времени любилась, да намъ самимъ невдомекъ было. Она боится меня, а я ее. Только, братецъ ты мой, какъ выдали ее замужъ, тутъ я и затосковалъ. Тутъ-то и зачалъ понимать. А на Пасхѣ, какъ пришли мы къ нимъ, стали христоваться: Христосъ, молъ, воскресе, Варя! Какъ поцѣловалъ, такъ у нея губы, какъ ледъ. А вечеромъ захожу опять къ нимъ, а она въ сѣняхъ самоваръ ставитъ. Никого кругомъ нѣту. А у меня въ головѣ туманъ, — хвативши былъ. Осмѣлѣлъ, взялъ ее за руку: — Варя, молъ!.. — Эхъ! Хомуты, братецъ ты мой, тутъ лежали, такъ она на хомуты-то такъ и сѣла!.. А по веснѣ иду огородами, вижу — грядки копаютъ. Окликнулъ. Подошла она ко мнѣ, посмотрѣла, да какъ залетѣла слезами! Тутъ, братъ, мы оба и загорѣлись, какъ солома. Да съ тѣхъ поръ и прогорѣть не можемъ.

Вася охмелѣлъ. Онъ лѣзъ цѣловаться, твердя: — Макарушка, родной! Люблю я тебя! Сердечный ты мужикъ! — плакалъ о чемъ-то, вспоминалъ первую жену, тянулъ Макару расплесканную рюмку и уговаривалъ пить.

Но Макару надо было договорить. Снова одной рукой онъ усаживалъ Василія, выпивалъ рюмку и продолжалъ:

— Вотъ ты тутъ и посуди! Что, братъ, тутъ дѣлать-то? А? Кладь пошли копать. Думалъ, денегъ найдемъ. Не вышло ничего. Со свѣту вѣдь Варвару-то сживать будутъ! Чисто осатанѣли всѣ. А я, Вася, совсѣмъ ума рѣшился. Такъ-то ли тяжело, такъ-то ли тяжело, что и сказать не могу...

Вася невнятно бормоталъ. Макарь сидѣлъ мрачный, какъ туча. Выхода не было. Въ немъ поднималась ярость.

— Водки! — крикнулъ онъ, стукнувъ кулакомъ. Вася храпѣлъ, положивъ голову на столъ. Макарь выпилъ одинъ все, хватилъ объ полъ бутылку, всталъ и пошелъ вонъ, осматриваясь налитыми кровью глазами. Кругомъ говорили, пили чай, пиво и водку, ѣли щи, студень и печенку. Никто не обращалъ на него вниманія. Онъ подошелъ къ столику, гдѣ, о чемъ-то надрываясь, кричалъ маленькій мужичонка съ мочальной бородкой, и, качнувшись, уставился на него. Но большой, спокойный мужикъ внушительно сказалъ ему: — Ты, поштенный, не задерживайся. Проходи. Тебя не задрѣваютъ, такъ ты лучше проходи!..

На улицѣ онъ едва не сшибъ съ ногъ какую-то барыню, бѣшено выругался ей вслѣдъ и пошелъ наискосокъ черезъ площадь. Если бы сейчасъ подвернулись Елена или Гришка, онъ бы ихъ убилъ.

Но вмѣсто Елены бѣжалъ навстрѣчу ему, выставивъ острую бородачку, Степанъ-Колоколець. Онъ повидаль всѣхъ своихъ городскихъ знакомыхъ, узналъ всѣ новости, дѣсьта наговорился и имѣлъ полную пазуху книжекъ. Не помня зла, онъ дружелюбно подскочилъ къ Макару и началъ уже говорить:

— Слышь-ка, Макарь, что я тебѣ скажу...

Но Макарь отступилъ шагъ назадъ, со всего размаху ударилъ его по скудѣ, такъ что Степанъ отъ неожиданности слетѣлъ плашмя на землю, и, пошатываясь, пошелъ дальше. Врѣзался зачѣмъ-то въ кучку мирно разсуждающихъ мужиковъ и разметалъ ихъ плечами. Сшибъ неожиданно съ ногъ еще какого-то мужика, услышалъ за собой крикъ и ревъ и обернулся, нагнувъ голову, какъ быкъ. Всѣ обиженные скопомъ наскочили на него.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О с е н ь .

Я люблю эти нѣжныя, кроткія ласки,
Золотую улыбку осеняго свѣта
И нарядно расцвѣченный въ яркія краски
Задумчивый привѣтъ уходящаго лѣта.

Я люблю замиранье усталой природы,
Засыпающей въ сладкихъ, чарующихъ грезяхъ
О прекрасной веснѣ, возрожденной свободѣ,
Нѣжныхъ ландышахъ, царственныхъ розахъ.

Я люблю тишину опустѣвшаго сада
И послѣднія блески былого наряда
И деревьевъ поблекнувшихъ шелестъ прощальный,
Словно скорбные звуки разлуки печальной.

Владиміръ Радолинъ.

Н. Самокишъ. Бой подъ Малымъ Ярославцемъ 12 октября 1812 г.

Изъ книги „Солнце Жизни“.

А. М. Федорова.

На Иорданѣ.

Я заказалъ себѣ верховую лошадь. Двухтысячный караванъ паломниковъ выстываетъ съ разсвѣтомъ на Иорданѣ. Легъ рано, но великолѣпная лунная ночь мѣшала, видно, спать не мнѣ одному. Въ открытыя окна непрерывно доносились съ улицы громкіе голоса и стукъ шаговъ по звонкимъ плитамъ.

Но на зарѣ я уснулъ, и, когда стукнулся въ мою дверь, было уже довольно свѣтло, и съ улицы доносился шумъ и гулъ суетящейся толпы, который пронизывался рѣзкимъ крикомъ мѣнялы: — Деньги мѣнять, время не терять! Эй, старухи, старички, берите парички!

Какъ ни спѣшилъ я, однако нѣсколько запоздалъ, а когда очутился на улицѣ, кавасъ сообщилъ мнѣ, что караванъ уже вышелъ:

— Догоните его за Дамасскими воротами...

Лошадь уже ожидала меня. Но что это была за лошадь! Я мечталъ объ арабскомъ конѣ, а эта врядъ ли была болѣе рѣзва, чѣмъ любой осель.

Но арабское сѣдло довольно покойно съ своими стремями для всей ступни. Да и не раскочешься, если тебя сопровождаетъ самъ владѣлецъ лошади.

— Елла! — говоритъ онъ, и мы пускаемся въ путь.

Утро тихое и сѣренькое. Еще солнце не взошло; въ городѣ движеніе; навстрѣчу попадаются козы, ослики, верблюды и очень мало людей, зато всѣ люди въ восточныхъ абаяхъ, всѣ—арабы, бедуины или феллахи. Уже за Дамасскими воротами солнце выходитъ изъ-за горъ, освѣщаетъ зубчатые городскія стѣны, золотистый камень которыхъ дивно свѣтится на солнцѣ. Отсюда видно, какъ далеко раскинулась дорога черезъ Кедронскій потокъ, черезъ Геосиманію, Виѳанію, черезъ холмы и долины.

Тамъ и сямъ она обрывается, чтобы вынырнуть снова вдали, и бѣлѣющимъ ручейкомъ блеститъ по красноватому скату холма, убѣгая къ сиреневымъ горамъ Моава. Проѣзжаемъ Виѳанію, гдѣ очень чтится пещера воскресшаго Лазаря, и надъ кубиками домовъ возвышается древняя руина, остатокъ церкви, когда-то бывшей на мѣстѣ встрѣчи Христа съ Марѳой и Маріей.

Мой проводникъ спрашиваетъ, далеко ли паломники.

— Разъ затынуться табакомъ, — отвѣчаютъ ему обычной арабской фразой.

И дѣйствительно, поднявшись на каменистую возвышенность, я вижу далеко внизу растянувшійся по бѣлой дорогѣ караванъ; точно муравьи расплзлись богомольцы версты на три, но внизу, на поворотѣ, какъ-будто гнѣздо этихъ муравьевъ, и такое же гнѣздо справа у источника Двѣнадцати Апостоловъ. Тамъ люди копошатся и чернѣютъ, запасаясь водой въ далекій путь.

Солнце быстро поднимается. Расползаются, какъ тѣни, облака. День будетъ жаркій, а дорога утомительна и безводна.

Мы колесимъ зигзагами вправо-влѣво и медленно нагоняемъ ихъ. Сначала старики и старухи, которые идутъ не сѣша, ровными, переплетающимися шажками. Большинство въ лаптяхъ, но есть и основательные мужики въ валенкахъ и даже въ огромныхъ тяжелыхъ, подбитыхъ желѣзными подковами, сапогахъ. Эти высоко поднимаютъ ноги и каждымъ шагомъ своимъ точно стараются убѣжденно вколотить камни въ землю.

Наиболѣе молодые, ретивые и неопытные ушли впередъ, но съ половины пути картина измѣнится, и многіе изъ нихъ очутятся позади, рядомъ со слабыми и даже увѣчными.

Паломники идутъ и въ одинъ голосъ тянутъ молитву. Пѣніе ихъ издали кажется унылымъ жужжаніемъ или журчаніемъ ручья. Всѣ съ котомками, съ бутылками, съ чайниками, позванивающими въ тактъ пѣнію.

Напрасно кавасъ въ бѣломъ кафтанѣ и на бѣлой лошади скачетъ отъ тѣхъ, что идутъ позади, къ переднимъ, желая создать болѣе стройное движеніе: онъ уже охрипъ, а его не слушаютъ, идутъ по-своему, и въ разныхъ группахъ поютъ разное. Остановились на нѣкоторое время у перваго хана, гдѣ есть вода. Тутъ бы подождать еще остальную часть каравана, которая должна была выйти черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня. Вонъ уже эта часть виднѣется наверху на ровной бѣлой дорогѣ. Черныя точки и палочки также расположились по пути и напоминаютъ нотные значки, разставленные по ровнымъ линіямъ.

Тамъ также кавасъ на лошади, замыкающій все шествіе, и изъ-за его спины иногда поблескиваетъ дуло винтовки: мало ли что можетъ случиться на этомъ дикомъ и долгомъ пути.

Тѣ, что не поютъ, на ходу разговариваютъ между собой о томъ, о семъ, иные спорятся. До меня доносятся обрывки ихъ бесѣдъ, отдѣльныя словечки. И, несмотря на то, что ихъ такъ много, и всѣ они изъ разныхъ мѣстъ, кажется по этимъ случайно долетающимъ словамъ, что у нихъ одна жизнь, одни интересы, одна душа. Недавно выпали дожди, и потому дорога, слава Богу, не очень пыльная, но все же лучше ѣхать впередъ. Я обгоняю пѣ-

шихъ и ѣдущихъ верхомъ на осликахъ. Большинство — священники подъ зонтиками и дамы. Но есть и деревенскія женщины, которымъ не подъ силу путь или позволяютъ средства. На послѣднихъ паломники смотрятъ косо. Господамъ уже такъ положено, а простому человѣку зазорно къ Святымъ Мѣстамъ своихъ ногъ жалѣть.

Достаточно мнѣ десятка на три сажень выбраться впередъ, и голоса позади замираютъ, и только шумъ шаркающихъ и стучащихъ ногъ доносится, непрерывный и утомительно скучный, — точно сзади волочатъ по землѣ что-то громоздкое и тяжелое.

Солнце уже высоко. Горы Моава вдали изъ сиреневыхъ стали синими; онѣ далеко за Мертвымъ моремъ, но съ подъемомъ кажутся совсѣмъ близко. Виѳанія съ темно-зелеными купами точно таетъ по мѣрѣ удаленія въ начинающемся струиться воздухѣ. И все безмолвнѣе, все печальнѣе поднимаются холмы, все болѣе дичають мѣстность и путь.

И здѣсь горы напоминаютъ купола подземныхъ храмовъ, и здѣсь онѣ мѣстами каменисты и безжизненны, какъ на пути изъ Яффы въ Иерусалимъ, но тишина здѣсь почему-то не такъ удушлива, какъ тамъ. Можетъ-быть, потому, что здѣсь все же какъ-будто болѣе простора.

Однако и тутъ не видно жизни. Изрѣдка услышишь свистъ птички, но кажется, что и она этими короткими трелями жалуется на свое одиночество. Орелъ, точно колдуя надъ этой и безъ того заколдованной землей, чертитъ, поднимаясь все выше въ небо, магическую спираль. Что ему здѣсь дѣлать? Гдѣ жертвы для него?

Изрѣдка встрѣчаются становище верблюдовъ или пасущіяся по склонамъ стада черныхъ козъ. Пастухъ играетъ на тростниковой дудкѣ, и жалобно, какъ блеянье козленка, звучатъ среди холмовъ дикіе звуки, въ которыхъ нѣтъ мелодіи, а только однообразные вскрики и стоны.

Трупъ лошади попался на пути. Стервятники-ястребы отъ жадности подпустили насъ довольно близко и неохотно поднялись съ падали.

— Ружьемъ... Пафъ! — наглядно показалъ мнѣ проводникъ на хищниковъ.

Но они видѣли, что путники безоружны, и, едва мы миновали ихъ, снова полетѣли къ падали.

Часа черезъ три пути неожиданно выросли передъ глазами стѣна и открытыя ворота. Это—такъ называемый ханъ Добраго Самарянина. Вокругъ него на свободѣ щипали травку ослики и шевелились около большого котла, подъ которымъ дымился огонь, арабы.

Въ противоположной стѣнѣ двора также были открыты ворота, и насквозь синѣло яркое небо. Во дворѣ стояли экипажи, суетились люди. Справа—открытыя настежь двери въ довольно обширное помѣщеніе, похожее на сарай. Тутъ въ первой комнатѣ—буфетъ, во-второй—столы и лавки, въ третьей—что-то въ родѣ лавочки, гдѣ продаются сѣдла, старое оружіе, дубины и разные предметы благочестія изъ дерева, стекла и перламутра.

Страшной нелѣпностью поражаетъ стоящая въ амбразурѣ окна ободранная парикмахерская кукла или манекень съ ключьями волосъ на проломленной головѣ.

— Что у васъ есть?

— Все есть, — отвѣчаетъ арабъ.

— Яичницу можно сдѣлать?

— Нѣтъ.

— Тарелку щей?

— Нѣтъ.

— Молока?

— Нѣтъ.

— Что же можно?

— Пива можно. Вина можно. Рыба можно, — съ гордостью указываетъ онъ на ржавыя, вздувшіяся жестянки съ консервами.

Я завтракаю вареными яйцами и апельсинами, которые на всякій случай захватилъ съ собою.

Вино палестинское здѣсь дорогое и самый плохой сортъ.

Но мое положеніе завидное. Зато, когда вваливается во дворъ огромный паломничій караванъ, начинается стонъ.

Кто побогаче и попроворнѣе, захватили кипятокъ и воду, заготовленную арабами. Но это только капля. Воды здѣсь нѣтъ совсѣмъ. Ее привозятъ издалека, изъ монастыря Георгія Хузева, берутъ за стаканъ двѣ парички—5 копеекъ. Однако и той скоро не хватаетъ, и бѣдняки изнемогаютъ отъ жажды послѣ трехчасового утомительнаго пути подъ знойнымъ солнцемъ.

Это ужъ непростительное варварство. Ежегодно здѣсь идутъ и караваны и отдѣльныя русскія паломники. Въ годъ проходятъ не менѣе пяти-шести тысячъ, — неужели же нельзя было позаботиться, чтобы здѣсь для нихъ хоть вода-то была? Говорятъ, покойный архимандритъ Антонинъ хотѣлъ купить это мѣсто, но не успѣлъ осуществить этой неотложной нужды, а послѣ него объ этомъ, видимо, мало думаютъ. Конечно, трудно надѣяться на грековъ,

которые, обирая до тла православных паломников, еще не ударили для них палец о палец, но и русской духовной миссии и Палестинскому обществу стыдно оставлять паломников на произвол арабов по пути к святыне и заставлять мучиться жаждой чуть ли не в продолжение десятичасового пути в сожженной солнцем пустыне.

Люди роптали; ревѣли от жажды ослы. Каравану нечего было здѣсь дѣлать, и, едва передохнувъ, паломники собрались дальше. Я опять очутился впереди, несмотря на то, что ѣхалъ шагомъ, подгоняя лошадь только тогда, когда проводникъ мой оставлялъ меня, избирая кратчайшія тропинки и иногда скрываясь отъ глазъ минутъ на 25—30.

Тишина, медленное покачиванье въ сѣдлѣ и солнце послѣ безсонной ночи ублаживали меня. Безпощадная небесная синь надъ безнадежными горами заставляла закрывать глаза. Красные огоньки и точки кружились передъ глазами. Или это маки въ зеленой травѣ? Онѣ покачиваются отъ легкаго вѣтерка и тоже какъ-будто дремлютъ.

Рѣдко встрѣтятся на пути пара осликовъ, нагруженныхъ скарбомъ, верблюды съ качающимся наверху арабомъ. Иногда изъ корзинокъ, перекинутыхъ по бокамъ ослика, выглядываютъ точно птички изъ гнѣзда двѣ дѣтскія головки. Встрѣтятся бедуины въ полосатой абаѣ, съ винтовкой за плечами—и опять пустота, тишь, безнадежность и орлы въ синевѣ.

Непрерывный, плавный и пріятный, шумъ неожиданно оживилъ тишину.

Что такое? Неужели потокъ? Дремота моя сразу прошла. Лошадь также почувствовала свѣжесть воды въ этомъ шумѣ. Зафыркала и зашевелила ушами.

Я свернулъ немного влѣво—и въ глубинѣ ущелья увидѣлъ сверкающую и прыгающую по камнямъ воду потока, подъ которымъ черными точками, какъ блохи, прыгали козы. И еще увидѣлъ я подъ этой водой, высоко на отвѣсной скалѣ, бѣлыя стѣны монастыря Георгія Хузевита, къ которому изъ Іерихонской долины ведетъ узкая тропинка надъ самымъ обрывомъ.

Кельи схимниковъ бѣлѣютъ по отвѣсу горы. Ихъ только и можно отличить отъ камней потому, что онѣ побѣлены. Какъ пробираются туда, какъ доставляютъ имъ пищу? Должно-быть, по веревкѣ.

На обратномъ пути я рѣшилъ захватить въ этотъ монастырь, а теперь чувствовалъ усталость и голодъ. Хотѣлось скорѣе добраться до Іерихона. Лошадь, точно раздѣлая мое желаніе, пошла быстрѣе. Да и путь вился отъ самаго Іерусалима внизъ за исключеніемъ небольшихъ подъемовъ. Около Іерихона я уже буду больше, чѣмъ на тысячу футовъ, ниже уровня моря. Здѣсь конецъ Іудейскихъ горъ. За ними воздушной грядой тянется Моавъ, а въ межгорныхъ впадины синѣетъ густо и тяжело, какъ блестящій камень, Мертвое море.

На дорогѣ, въ пыли, черный и длинноносый, какъ воронъ, сидитъ греческій монахъ и не предлагаетъ, а требуетъ купить у него разложенныя имъ на грязной подстилкѣ мелочи.

— Давай парички! Давай парички!—кричитъ онъ рѣзкимъ каркающимъ голосомъ.

Я бросилъ ему мелочь, и онъ кинулся за ней съ разлетающимися, какъ черныя крылья, полами рясы.

„Нѣтъ, не поѣду въ монастырь!“—рѣшилъ я въ ту же минуту и подтолкнулъ лошадь. Она побѣжала рысцой.

Такъ вотъ онъ каковъ Іерихонъ. Нѣсколько бѣлыхъ домиковъ съ красными кровлями; возлѣ нихъ не то сваленый хворостъ, не то кучки навоза—арабская деревушка.

Зато и деревушку и бѣлые домики осѣняютъ зеленую высокую деревья, которыя издали кажутся сплошнымъ садомъ, а надъ нимъ качаются свои легкіе султаны финиковыя пальмы.

Ровная широкая долина идетъ отъ самой горы вплоть до Моава; по ней извиляются потоки, отмѣченные болѣе темной лентой курстарника, такъ же, какъ и Іорданъ, который только по этой зелени и угадывается вдали.

Свѣжесть зеленой равнины послѣ безжизненныхъ каменистыхъ Іудейскихъ горъ и холмовъ улыбается съ ласковымъ радушіемъ, и зной отъ одного вида этого свѣтлаго оазиса сразу какъ-будто становится здѣсь не такъ чувствительнымъ.

Мутный потокъ пересѣкаетъ путь, и лошадь тянется жадно къ нему мордой и шумно пьетъ, раздувая ноздри. Попьетъ-попьетъ, подниметъ голову и точно не вѣритъ себѣ или желаетъ продолжить удовольствіе, медлитъ, а съ ея влажной мохнатой губы падаютъ, блестя, крупныя капли воды.

Передъ самымъ Іерихономъ—тучные огороды, орошаемые водой изъ потока Елисея. Этой водою пользуются въ равной степени всѣ іерихонцы при помощи особыхъ каналовъ и запрудъ.

Извѣстна легенда объ этомъ источникѣ. Соленой и негодной была вода его, но Елисей помолился—и вода очистилась отъ соли, горечи и мути.

Бѣленькіе домики съ красными кровлями оказались отелями. Ихъ тутъ цѣлыхъ четыре. Надъ ними развиваются національные флаги и флагъ надъ русской миссіей, гдѣ мы проведемъ эту ночь. Десятки арабскихъ дѣтишекъ высыпаетъ навстрѣчу и требуютъ бакшишъ.

Подворье миссии стоитъ въ прекрасномъ садикѣ, гдѣ цвѣтутъ розы, олеандры, гдѣ высокія финиковыя пальмы колышутъ свои султаны надъ мелколиственными эвкалиптами и смоковницами, сикоморами и кедрами, а колючіе громадные кактусы оберегаютъ садикъ отъ скотины. Въ настоящее время при миссии строится храмъ, а пока молятся въ часовнѣ, воздвигнутой, очевидно, надъ древнимъ храмомъ, отъ котораго сохранилась только часть мозаичнаго пола. По преданію, отсюда родомъ былъ Закхей, въ домѣ котораго былъ Іисусъ, и въ часовнѣ есть изображеніе его на деревѣ, бросающимъ пальмовыя вѣтки подъ ноги ослику, на которомъ ѣдетъ Спаситель.

Слышно, какъ за садикомъ обтесываютъ камни, а около дома—суета: приготовляются къ встрѣчѣ паломниковъ; для господъ худощавый рыжій монашекъ протасилъ въ кухню за ноги растопырившихъ крылья куръ.

Послѣ непрерывной восьмичасовой ѣзды верхомъ я, разминая ноги, поднимаюсь наверхъ, наскоро сбросивъ съ себя обувь и пиджакъ, валюсь въ постель въ прохладной, довольно большой сводчатой комнатѣ съ двумя рѣшетчатыми окнами и четырьмя кроватями подъ кисейными пологамъ отъ москитовъ.

Между тѣмъ какъ я съ наслажденіемъ отдыхаю, вносятъ самоваръ и постный обѣдъ—на деревянномъ маслѣ.

— Ужъ извините... черезъ часика два будетъ готово скоромное, а пока—чѣмъ Богъ послалъ.

Но мнѣ лѣнь шевелиться. Въ комнатѣ прохладно, и пріятно протянуть ноги, лѣтъ пятнадцать уже не испытывавшія такихъ переѣздовъ верхомъ. Самоваръ кипитъ и даже слегка позваниваетъ, какъ умѣютъ дѣлать самовары только въ глубокой провинціи. Если закрыть глаза и прислушаться къ его привѣтливому шуму, кажется, что гдѣ-то далеко-далеко играетъ цѣлый оркестръ.

Но вдругъ шумъ самовара покрывается другимъ шумомъ, въ который влетается длинная тонкая трель,—такъ арабы выражаютъ свой восторгъ. Не успѣлъ еще я, какъ слѣдуетъ, вслушаться въ эту новую музыку, какъ раздался выстрѣлъ, другой.

Я бросился къ окну и вижу: мчится вдаль отъ раскинувшейся тутъ же арабской деревушки бедуинъ на великолѣпной сѣрой лошади, а за нимъ двое другихъ съ гиканьемъ и криками. Въ рукахъ одного изъ нихъ винтовка, и въ воздухѣ еще пахнетъ дымомъ и пороховою гарью.

Толпа арабовъ, женщинъ и дѣтей, неистово шумитъ, и я въ первое мгновеніе думаю, что тотъ бедуинъ впереди украсть лошадь или совершилъ какое-нибудь иное преступленіе и мчится отъ погони. Но они его нагоняютъ. Тогда онъ на всемъ скаку осадилъ лошадь и почти перевернулся въ сѣдлѣ. „Раненъ!“—съ тревогой подумалъ я. Въ ту же минуту онъ повернулъ лошадь и ринулся обратно на своихъ преслѣдователей. Тѣ, какъ-будто пораженные испугомъ, сдѣлали то же самое. Великолѣпныя лошади мчались, вытянувъ свои короткія головы, но, не доскакавъ до деревни, повернули снова назадъ, и то же сдѣлалъ первый. И опять восторженная трель переплела весь шумъ. У меня сразу отлегло отъ сердца: это только испытывали новую лошадь, не больше. Но я не могъ не любоваться, какъ всадники коршунами носились по равнинѣ, то взлетая на ближайшей къ деревнѣ холмъ, то уносясь вдаль по ровной дорогѣ среди зеленыхъ хлѣбовъ и пастбищъ.

Вошелъ священникъ, одинъ изъ тѣхъ, что ѣхалъ подъ зонтикомъ на осликѣ. Его верхняя черная ряса вся покрыта бѣловатой пылью, и желтая соломенная шляпа отъ этой пыли стала сѣрой.

Но онъ сбрасываетъ черную рясу, и подъ нею оказывается кремовая. На лбу, на мѣстѣ шляпы, красная полоса, точно ленточка.

За нимъ двое другихъ, съ узелочками и сверточками,—кажется, монахи.

— Возможно здѣсь расположиться?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ.

— Пожалуйста.

Но, пошептавшись, они исчезаютъ, и мы остаемся вдвоемъ со священникомъ, который вздыхаетъ и вопросительно поглядываетъ на меня, ища, очевидно, возможности подѣлиться съ новымъ человѣкомъ обуревающими его огорченіями. Однако, лишь умывшись и приступивъ къ чаю, мы заводимъ настоящую бесѣду.

— Хорошо,—говоритъ онъ, поднимая и опуская руку и ставя ее ребромъ на столъ.—Ну, а что я теперь прихожанамъ своимъ скажу о благодатномъ огнѣ, коли на мой вопросъ о сей тайнѣ онъ смѣяться началъ?

— Кто, онъ?

— Да греческій архимандритъ. Вы подумайте только: объяснить съ религиозно-философской точки зрѣнія или съ символической—это ихъ не удовлетворитъ, если бы даже они и поняли, а обманывать послѣ того, какъ мнѣ такъ отвѣтили, я не могу. Народъ ищетъ чудеса, и только вѣрой въ чудеса поддерживается его религія.

— Но вы-то сами, батюшка, не вѣрили въ это чудо?

Священникъ замаялся:

— Я предполагалъ здѣсь нѣкую высшую тайну. Пусть бы ужъ лучше это для меня тайной и осталось. А вѣдь это что же такое?

Онъ скорбно развелъ руками и закачалъ сокрушенно головой.

Съ горечью сталъ говорить онъ о своемъ разочарованіи и о грекахъ:

— Прямо, знаете, хоть зазорно сознаться, а ужъ я и не радъ, что поѣхалъ сюда. Грѣхъ одинъ... истинный грѣхъ. Осуждать нельзя, а нельзя и не осуждать, потому у нихъ, извините, не только архимандриты, а и митрополиты ихніе Богъ знаетъ откуда вышли. За ними нельзя и благодати признать. Иные и въ семинаріи-то даже не были.

Онъ началъ называть мнѣ имена и рассказывать біографіи священниковъ и настоятелей монастырей:

— Все они живутъ и держатся только русскими денешками, а попросишь какой ни на есть русской въ ихъ монастырь — ни за что не пустятъ. Опять же арабы... — такіе же православные есть среди нихъ. На ихъ землѣ греки устроились, денешки ихъ прикарманили, а въ монастырь — тоже ни ногой. И за все парички тянутъ. Шагу нельзя ступить, перекреститься нельзя, чтобы парички на это не потребовали. Вотъ хоть бы на Іорданѣ Господь сподобилъ безъ нихъ обойтись.

Бесѣду нашу прервалъ монашекъ въ тяжелыхъ сапогахъ, съ испуганнымъ отъ природы лицомъ:

— Отецъ Парфеній, пожалуйста молебень служить. Паломники просятъ.

Отецъ Парфеній наскоро плотнулъ чай:

— Развѣ ужъ пришли?

— Все пришли. Только иные на Іорданъ отправились.

Онъ захватилъ свой узелокъ и торопливо побѣжалъ къ часовнѣ, приговаривая:

— Ой, ноги-то не слушаются, устали съ непривычки, а надо бѣжать, а то какой-нибудь грекъ опять выищется тутъ, обереть ихъ и за молебень.

Передъ закатомъ поднялся вѣтеръ: пыльные смерчи закружились по дорогѣ, и облака такъ же, какъ-будто затынутые пылью, закружились надъ мрачными Іудейскими горами.

Среди этихъ горъ прямо-таки ужасна гора Соблазна или Сорокодневная. Она цвѣта праха. Къ ея почти отвѣсной груди такъ же прилѣпился монастырь, и его отлично можно разглядѣть отсюда въ бинокль.

Вершина горы окружена стѣной и оттого кажется какъ-будто сѣзанной. Мраченъ и закатъ за этой горою. Солнце точно уходило въ плѣнь, и отблески его въ неприятныхъ по тону и очертаніяхъ облакахъ были мѣдно-краснаго, зловѣщаго цвѣта.

Къ Мертвому морю отсюда идутъ эти мертвые горы, наваленныя одна на другую какъ-будто самимъ дьяволомъ послѣ того, какъ въ безсильной ярости тотъ покинулъ Христа.

Не оживляютъ ихъ ни тропинки ни стада черныхъ козъ, прыгающихъ по камнямъ.

Послѣ заката вѣтеръ сразу затихъ, и бедуинская деревня ожила.

Подъ плоскими кровлями сложенныхъ изъ камня, а то такъ и просто изъ терновника, убогихъ жилищъ, — зажигались огни. Стрижи передъ тѣмъ, какъ улетѣть по гнѣздамъ, засновали еще суетливѣе. Какія-то маленькія птички стаей просвистѣли въ воздухѣ, точно горсть брошенныхъ камней. И съ пастбищъ стали возвращаться ослики, козы и овцы. Блеянье скота, голоса людей, звонъ арабскихъ музыкальныхъ инструментовъ — все слилось въ дикій концертъ. Дѣвочки въ отрепьяхъ, но красивыя и граціозныя, увидя меня на плоской кровлѣ, устроили что-то въ родѣ хоровода, закружились, танцуютъ и всплескивая по временамъ руками, а затѣмъ, конечно, хоромъ стали просить бакшишъ. Я бросилъ имъ мелочь, и онѣ, какъ куры на зерна, бросились на деньги, крича, визжа и валяясь въ пыли.

Настали сумерки, и засвѣтились звѣзды, которыя сначала были ярче луны. Но постепенно луна становилась ярче и наконецъ засіяла въ небѣ голубовато-серебристымъ свѣтомъ, а звѣзды поблѣднѣли.

Сильнѣе запахла розы въ іерихонскихъ садахъ, и надъ Іорданской долиной въ удивительномъ великолѣпнѣ заблестѣла свѣтлая тропическая ночь.

Она сокрыла тѣнью ужасный обликъ Іудейскихъ горъ и слила съ далью равнинъ таинственныя горы Моава. Ярче запылали костры подъ навѣсами, гдѣ шевелились библейскіе люди, и три огненныхъ точки засвѣтились на горѣ Сорокадневной въ томъ мѣстѣ, гдѣ днемъ блѣлъ монастырь. Внезапно вниманіе мое отъ арабской деревушки было отвлечено инымъ шумомъ и иными голосами.

Красноватый отблескъ пламени дрожалъ на листьяхъ деревьевъ, откуда доносились эти голоса, и, перейдя на другую сторону крыши, я остановился растроганный.

Посреди сада подъ деревьями былъ сооруженъ первобытный алтарь. Множество свѣчей сіяло вокругъ него въ рукахъ тысячной толпы богомольцевъ. Вѣтеръ колебалъ пламя свѣчей, которое то замирало, то вспыхивало съ необыкновенной яркостью, освѣщая обращенныя ко мнѣ лица стоявшихъ впереди.

Служилъ всенощную мой знакомый священникъ въ блестящей золотымъ шитьемъ парчевой красной ризѣ, а тысячная толпа стройно и съ чувствомъ пѣла.

И я не помню, чтобы когда-нибудь богослуженіе въ церкви казалось мнѣ такимъ торжественнымъ и захватывающимъ, какъ здѣсь, съ блѣднымъ алтаремъ, сооруженнымъ подъ благоухающими деревьями, надъ которыми сіяли луна и звѣзды.

— Въ путь!

Меня разбудили, когда еще чуть занималась заря и сіяли звѣзды. Еще въ арабской деревнѣ кое-гдѣ догорали костры, а уже арабы опять поднимались. Любитъ этотъ народъ ночь, звѣзды и утреннія и вечернія зори.

Іерихонская долина еще дремала въ усталомъ мерцаніи звѣздъ, а ужъ по смутно-сѣрѣющей дорогѣ къ Іордану шли паломники, и неестественно большимъ и сказочнымъ казался силуэтъ верблюда, идущаго на востокъ.

Тамъ, гдѣ за зеленою каймою кустовъ былъ Іорданъ, тянулся блѣлой полосой паръ. Гдѣ-то вдали меланхолично позванивали бубенцы, — очевидно, шель караванъ.

Уже разсвѣло, и все паломники ушли, когда я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ Іордану. Дорожная пыль была истоптана тысячь ногъ, но трава долины, на которой еще не успѣла высохнуть роса, была свѣжа и нѣжна. Даже кусты терновника, изъ коего былъ сплетенъ вѣнокъ Христу, зеленѣли привѣтливо и мягко.

Мы ѣхали не по той дорогѣ, по которой пошли паломники. Это было ясно и по тому, что, подѣвжая къ Іордану, мы не слышали ни голосовъ ни шума. Да и дорожная пыль тутъ была не такъ потоптана, какъ въ началѣ нашего пути.

Вотъ и пушистые кусты растенія, которое у арабовъ зовется тарфа и встрѣчается только у воды, какъ наша ива. Запахло рѣчной сыростью. Двѣ черныя птицы, похожія на дикіихъ утокъ, снялись передъ нами и полетѣли. Только подѣвжавъ почти вплотъ къ этимъ кустамъ, я увидѣлъ передъ собою Іорданъ, маленькую мутную рѣчку, которая однако текла очень стремительно, такъ что задѣваемые водою вѣтки деревьевъ судорожно билась и рвались вслѣдъ за убѣгающими струями.

Даже слышно было, какъ вода шумитъ, протекая среди густой зеленой уремы, гдѣ, говорятъ, ранней весной много соловьевъ. Но теперь было тихо. Птицы улетѣли на сѣверъ, и только на противоположной сторонѣ важно расхаживалъ черногузый аистъ, вѣрно, отбившійся отъ стаи. Гдѣ же паломники?

Мой проводникъ нѣсколько растерялся, но, оглянувшись влѣво, гдѣ сверкалъ позолотой крестъ на монастырѣ Іоанна Крестителя, я увидѣлъ сплошную черную массу, которая, какъ смола, стекала съ горы внизъ къ Іордану.

Какія-то искры вспыхивали въ этомъ черномъ потокѣ людей, а надъ нимъ колыхались пятна. Это наши паломники съ хоругвями шли къ рѣкѣ, и въ ихъ рукахъ сверкали серебряныя ризы иконъ и прочіе блестящіе предметы. Я поспѣшилъ къ нимъ по вязкой дорогѣ вдоль Іордана. Они шли съ пѣніемъ, обнаживъ головы, которыя пекло утреннее солнце. По пути къ Іордану, къ тому мѣсту, гдѣ, по преданію, Іоаннъ крестилъ Христа и народъ, встрѣтился широкій потокъ, черезъ который надо было переправляться.

Тѣ, у кого были лошади, поѣхали на лошадяхъ, кто могъ заплатить паричку, сѣдился верхомъ на араба. Но большинство, конечно, двинулось самостоятельно, разувшись и наполовину раздѣвшись, такъ какъ глубина мѣстами была гораздо выше колѣнъ.

Вязкая тина засасывала ноги, и приходилось вытаскивать ихъ съ усиленіемъ. Тина была и съ другой стороны, откуда приходилось до мѣста пройти сажень сорокъ. Вся эта низина вмѣстѣ съ кустами при разливахъ Іордана заливалась на далекое пространство, и иногда, говорятъ, вода доходила чуть не до подошвы горы, гдѣ стоитъ монастырь.

На берегу Іордана уже шло богослуженіе, но толпа спѣшила раздѣться. Однако мало кто раздѣвался дѣла; почти все оставались въ блѣлыхъ саванахъ, заготовленныхъ еще дома, — въ саванахъ изъ лучшаго полотна. Вѣдь эти саваны они будутъ хранить, какъ святыню, и въ нихъ положить ихъ въ гробъ. Я переправился на другую сторону рѣки въ лодкѣ, чтобы лучше видѣть всю картину этого купанья, которое паломники считаютъ вторымъ крещеніемъ. Быстрая мутная рѣчка, цвѣта кофе съ молокомъ, неслась въ зеленыхъ берегахъ, образуя на поворотѣ воронку, гдѣ крутились соръ и сухія вѣточки.

На берегу и среди зелени, освѣщенная солнцемъ, шевелилась вся эта охваченная благоговѣйнымъ экстазомъ толпа въ блѣлыхъ саванахъ.

И вотъ при первыхъ же словахъ молитвы, подхваченныхъ огромнымъ хоромъ взволнованныхъ голосовъ: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“, — сотни людей бросились въ воду рѣки, гдѣ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ крестились Христосъ и увѣровавшій въ него народъ. Сознawali ли эти люди вполне, что они дѣлаютъ? Съ одной стороны — эти блѣлые саваны, сліяніе со смертью, которая имъ не страшна въ этой освящаемой Іорданской водой погребальной одеждѣ; съ другой стороны — приобщеніе ко Христу, какъ источнику безсмертія, Своей Божественной плотью навсегда благословившему воды этой рѣки.

Зрѣлище было поразительное, и мнѣ было жутко, и я чувствовалъ себя взволнованнымъ до слезъ.

Всплески воды, голоса, шумъ, блѣлые саваны — все трепетало, сіяло и навсегда запечатлѣвалось въ глазахъ и въ сердцахъ. Я чув-

стествовалъ, что никогда не забуду этой картины, и самому становилось до боли жалъ, что не могу я быть заодно съ ними, что это радостное общеніе со смертью и Христомъ недоступно моей душѣ. Купаясь, одѣваясь и раздѣваясь, мужчины и женщины не замѣчали наготы другъ друга. Такъ же, вѣрно, было и тогда, когда, препоясавъ чресла свои, суровый Іоаннъ, обросшій волосами, сильный и величественный, благословлялъ Христа, у Котораго онъ не считалъ себя постояннымъ развязать ремень сандалій. И толпа вѣрующіхъ такъ же шла въ эти воды, принимая впервые этотъ обрядъ, какъ вступленіе въ новую жизнь, радуясь великой и чистой радостью дѣтей, передъ которыми открывалась новая жизнь, свѣтлая и братская, и такъ же склонялись надъ ними благословляющія вѣтви деревьевъ, и сіяло солнце, и синѣло небо, и, залитые прозрачной голубизной воздуха, стояли вдали горы Іудей и Моава.

Многіе изъ купающихся не ограничивались тоекратнымъ погруженіемъ въ воду и пускались переплывать Іорданъ. Сильное теченіе быстро сносило пловцовъ. Не вездѣ можно было вылѣзть, потому что берега оборваны теченіемъ и мѣстами очень круты. Приходилось хвататься за вѣтки деревьевъ, за торчащія въ обрывахъ корни. Вдругъ раздался крикъ:

— Тонетъ! Человѣкъ тонетъ!

Толпа заметалась. На водѣ недалеко отъ противоположнаго берега то появлялась, то исчезала голова, и наконецъ показались только руки. Я бросился отвязывать лодку, но мнѣ мѣшала

арабъ, который тоже хватался за веревку. Онъ суетился, кричалъ больше всѣхъ, и наконецъ, когда на помощь утопающей бросился изъ растерянно топтавшейся толпы какой-то парень, арабъ вѣ себя взобрался на дерево и бессмысленно размахивалъ тамъ руками.

За парнемъ, долго крестясь, бросился еще мужикъ, заросшій волосами. Третій и четвертый кинулись въ воду, ноплыли совсѣмъ не туда, куда надо, и больше размахивали руками и шлепали по водѣ, чѣмъ подвигались впередъ. Между тѣмъ первый опустил и схватилъ лѣвой рукой тонущую. Съ трудомъ работая правой, онъ подвигался къ берегу со своей ношей. Тутъ ему двинулось на помощь еще нѣсколько человѣкъ, и тонущую выволокли. Это была старушка, которая, видимо, предполагала, что въ Іорданѣ никакъ нельзя утонуть. Нѣсколько мгновений она не могла еще очнуться, но наконецъ пришла въ себя и, какъ ни въ чемъ не бывало, стала одѣваться. Паломники, набравъ въ бутылки іорданской воды, собрались въ обратный путь: кто на Сорокадневную, кто въ монастырь Геогія Хозевита, кто въ Ефремовскій монастырь.

Дожидались только, когда высохнутъ бѣлые саваны, развѣшанные на деревьяхъ, да окликались другъ друга.

Кое-кто пошелъ посмотреть часовенку за Іорданомъ, выстроенную, по преданію, на мѣстѣ убѣжища Маріи Египетской. Я рѣшилъ отправиться на Мертвое море.

(Окончаніе слѣдуетъ).

(Съ 6 рис. на стр. 817).

Въ послѣднее время нерѣдко стали появляться фотографическіе снимки съ рыбъ, плавающихъ въ водѣ. По большей части эти снимки не отличаются высокими техническими достоинствами и носятъ характеръ случайной удачи. Не мало было построено разныхъ замысловатыхъ камеръ для подводныхъ снимковъ. Какой-то житель Калифорніи, ярый любитель-фотографъ, цѣлыми часами сидѣлъ по горло въ водѣ, карауля моментъ для снимка, но добился не Богъ вѣсть какихъ успѣховъ. Но въ послѣднее время англичанинъ докторъ Френсисъ Уордъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться хорошихъ результатовъ при подводной съемкѣ, и ему удалось устроить для нея удачное приспособленіе, которое схематически представлено на нашемъ чертежѣ.

Уордъ владѣетъ участкомъ земли въ Ипсвичѣ, на берегу моря; въ его владѣнія врѣзается небольшой заливчикъ; здѣсь-то Уордъ и устроилъ особую камеру, изъ которой можно снимать рыбъ, а также птицъ и животныхъ, для которыхъ вода служитъ родною стихіей. Объ устройствѣ его камеры не стоитъ распространяться, такъ какъ оно все выясняется по надписямъ на рисункѣ. Скажемъ только, что заливчикъ отгороженъ отъ моря желѣзною рѣшеткою, черезъ которую свободно входитъ вода изъ моря во время прилива, но которая не пропускаетъ въ море рыбу, арестованную въ заливчикѣ. Громадное зеркальное стекло, прилегающее непосредственно къ водѣ заливчика, открываетъ видъ на его внутренность, и черезъ это стекло Уордъ производитъ съемку. Такимъ образомъ тутъ наблюдатель-фотографъ видитъ себя какъ бы въ глубинѣ моря, въ серединѣ подводнаго царства и его обитателей, которыхъ можетъ не только созерцать, но и снимать. Вдобавокъ, онъ кого захочетъ, того и воленъ поселить въ этомъ своемъ собственномъ морѣ. Каморка, гдѣ стоитъ наблюдатель, совсѣмъ темная, и рыба, подплывая къ стеклу, ничего за нимъ не видитъ, тогда какъ наблюдатель, наоборотъ, все прекрасно видитъ въ ярко освѣщенномъ солнцемъ бассейнѣ. Притомъ стекло, отражая свѣтъ, слѣпигъ рыбъ и окончательно преятствуетъ имъ что-либо разсмотрѣть позади его. Наблюдатель остается для нихъ невидимымъ, и онѣ его не пугаются.

Первые же опыты Уорда были такъ удачны, да и, кромѣ фотографированія, самое наблюденіе водяныхъ животныхъ у себя дома было такъ для него любопытно, какъ для специалиста (докторъ Уордъ—зоологъ), что онъ скоро приступилъ къ дальнѣйшему усовершенствованію своего садка. Бассейнъ былъ довольно значительный, и потому много любопытныхъ сценъ разыгрывалось въ такихъ мѣстахъ его, что наблюдателю трудно было видѣть и еще труднѣе—снимать. Поэтому онъ перегородилъ бассейнъ каменною кладкою такъ, что образовался садокъ, который уже весь былъ на виду, всякое мѣсто его стало доступно для фотографической камеры. Въ этомъ бассейнѣ онъ держалъ рыбъ, а на берегу другого, дальняго, бассейна устроилъ клѣтки для птицъ—бакланокъ, чаекъ, пингвиновъ—питающихся рыбою, и животныхъ—выдръ, тюленей. Оба бассейна соединялись лазомъ, который можно по произволу отпирать и запираеть цѣпью съ своего мѣста. Птицы и звѣри быстро осваивались съ этимъ ходомъ и, когда его открывали, кидались черезъ него во второй, рыбій, садокъ, за добычею.

Съ помощью такого приспособленія Уордъ сдѣлалъ не только

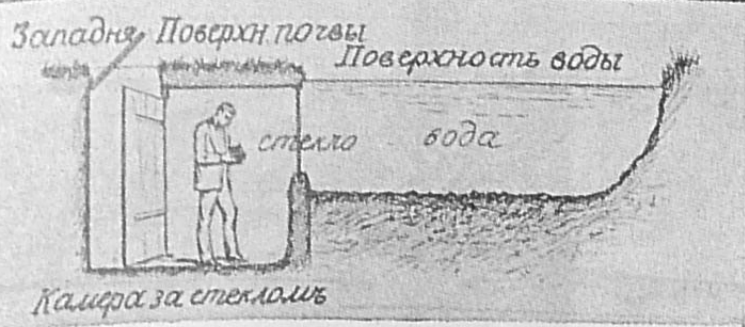
множество удачнѣйшихъ мгновенныхъ простыхъ и кинематографическихъ снимковъ, но и произвелъ множество любопытныхъ ученыхъ наблюдений, выяснивъ, напр., вопросы о способахъ движенія ныряющихъ птицъ и звѣрей подъ водою.

Такъ, онъ убѣдился, что выдра при плаваніи подъ водою совсѣмъ не пользуется передними лапами—она все время держитъ ихъ плотно прижатыми къ тѣлу; это даетъ ей тѣлу полную свободу движеній; гребетъ же она однѣми задними лапами. Кстати сказать, это животное рѣшительно отказывается отъ всякаго сближенія съ человѣкомъ. Когда сторожъ, по знаку Уорда, выпускаетъ выдру изъ ея клѣтки, то она, въ благодарность за ея освобожденіе изъ подъ ареста, прежде всего яростно кидается на сторожа, стараясь его укусить. Движенія выдры надъ водою чрезвычайно быстры; правда, хорошіе пловцы, какъ, напр., макрель, долго увертываются отъ нея, но она умѣетъ загнать ихъ куда-нибудь въ уголь, прижать къ стѣнѣ садка, и тогда онѣ становятся ея добычей.

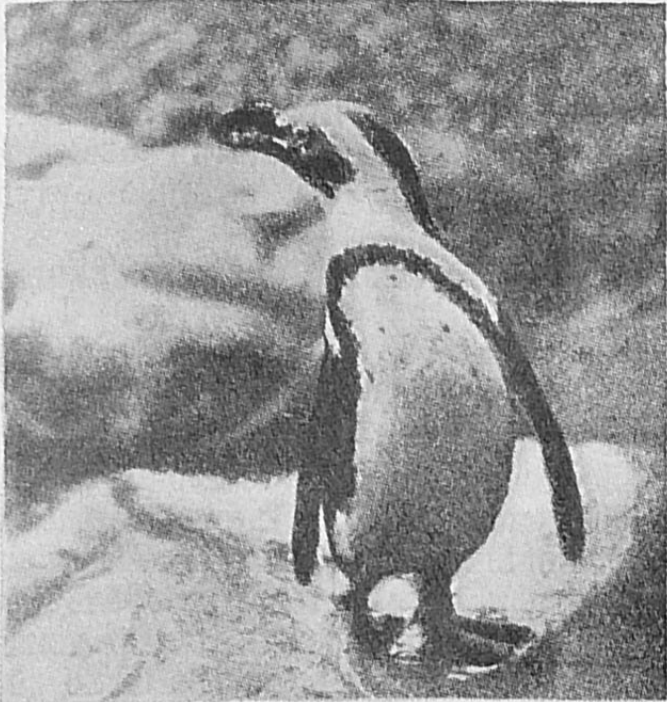
Чрезвычайно любопытны наблюденія Уорда надъ пингвиномъ. Русскіе поморы недаромъ прозвали эту птицу „тушникомъ“. Нельзя себѣ вообразить ничего нелѣпѣе этой коротколапой и короткокрылой фигуры, когда она, переваливаясь, ступаетъ по землѣ. Но надо видѣть пингвина подъ водою! Здѣсь онъ превращается въ какую-то торпеду, которая мелькаетъ съ такою быстротою, что за нею не услѣдитъ глазомъ. Пингвинъ при движеніи подъ водою совсѣмъ не пользуется лапами какъ гребнымъ аппаратомъ; онъ гребетъ крыльями, лапы же служатъ ему рулемъ при боковыхъ поворотахъ, а хвостъ—при вертикальныхъ; онъ подымается на поверхность воды однимъ мощнымъ толчкомъ хвоста. Никакая рыба, какою бы прыткостью ни надѣлила ее природа, не въ состояніи уйти отъ пингвина. Обычно онъ, хватая добычу, тутъ же немедленно и заглатываетъ ее, а не выноситъ наверхъ.

Чайка далеко не такая мастерица плавать подъ водою, какъ пингвинъ,—она не отличается быстротою движеній и, не будь у нея своей особенности, не много наловила бы рыбъ. Особенность ея состоитъ въ окраскѣ грудки и живота; здѣсь у нея перо блестяще-бѣлое; это перо такъ отражаетъ воду, что его подъ водою не видать,—дно съ нею сливается, и рыбы его не замѣчаютъ. Имъ видны лишь клювъ да лапы чайки, но и то и другое опять-таки темное и похоже на рыбу, что и вводитъ рыбъ въ заблужденіе. Благодаря такимъ способностямъ своей внѣшности, чайка не можетъ пожаловаться на скудость добычи.

Едва ли не всего любопытнѣе были наблюденія Уорда надъ бакланомъ. Снимки этой птицы подъ водою совершенно не удались, и причина этой неудачи очень своеобразна. Бакланъ обладаетъ темно-бронзовымъ, почти чернымъ опереніемъ, и, казалось бы, такой предметъ подъ водою долженъ былъ виднѣться съ полною отчетливостью. Но природа предусмотрѣла это обстоятельство и, чтобы не оставить свое дѣтище безъ обѣда, придала его перьямъ способность сохранять на себѣ слой воздуха. Подъ водою воздухъ мгновенно дробится на безчисленные пузырьки, которые превращаются въ тысячи блестящихъ зеркальныхъ точекъ. Такимъ образомъ птица, попавъ подъ воду, сливается съ ея массою, становится совершенно невидимою и этимъ обманываетъ рыбъ самой испытанной бдительности.

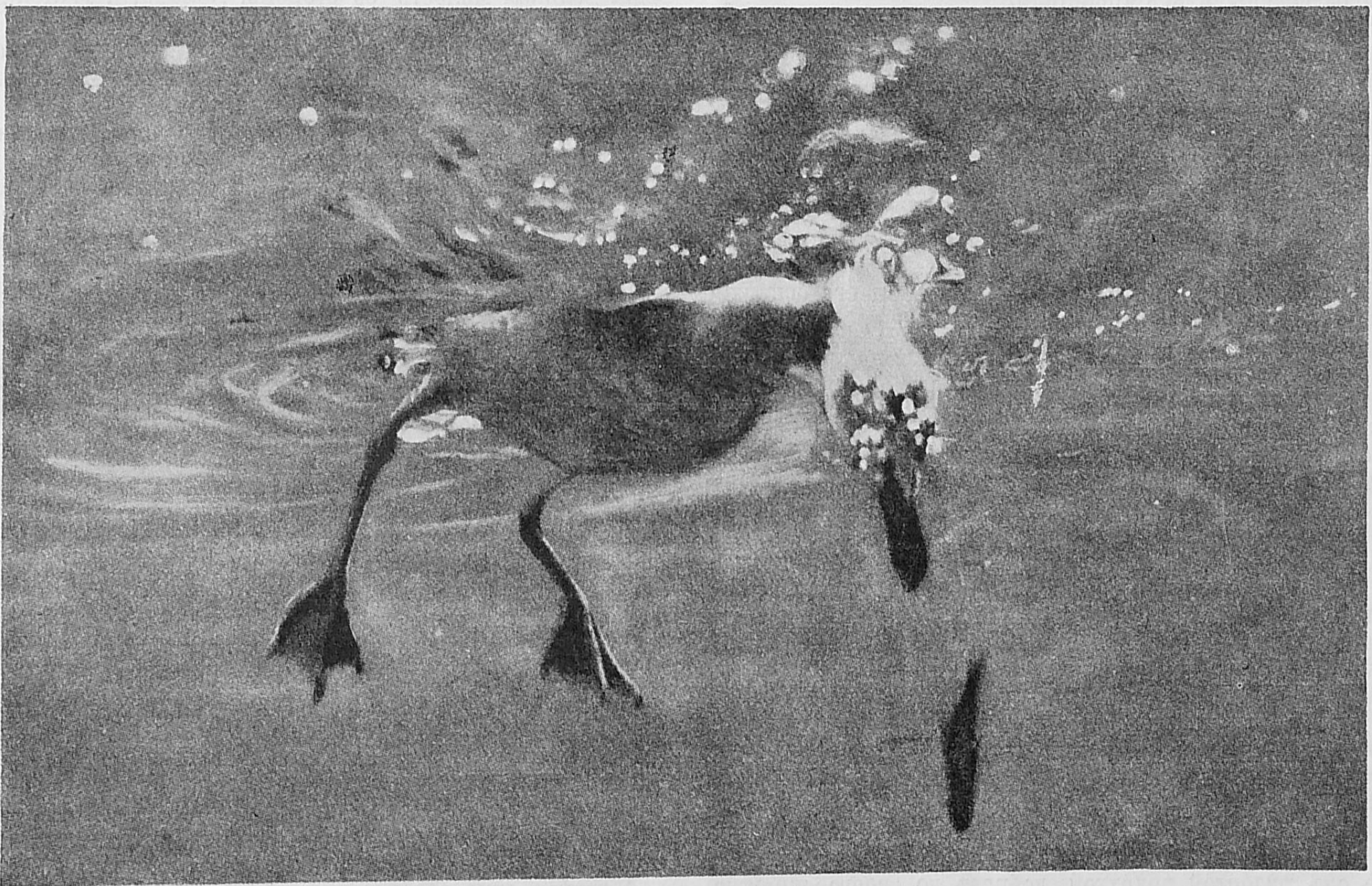
Камера, устроенная д-ромъ Уордомъ.

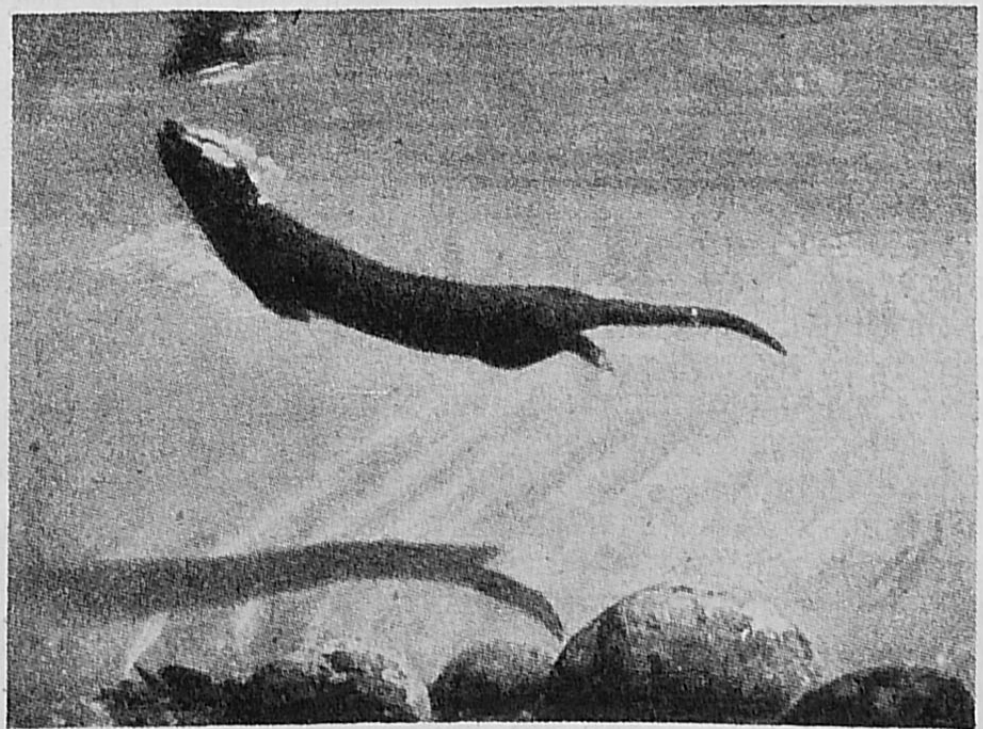
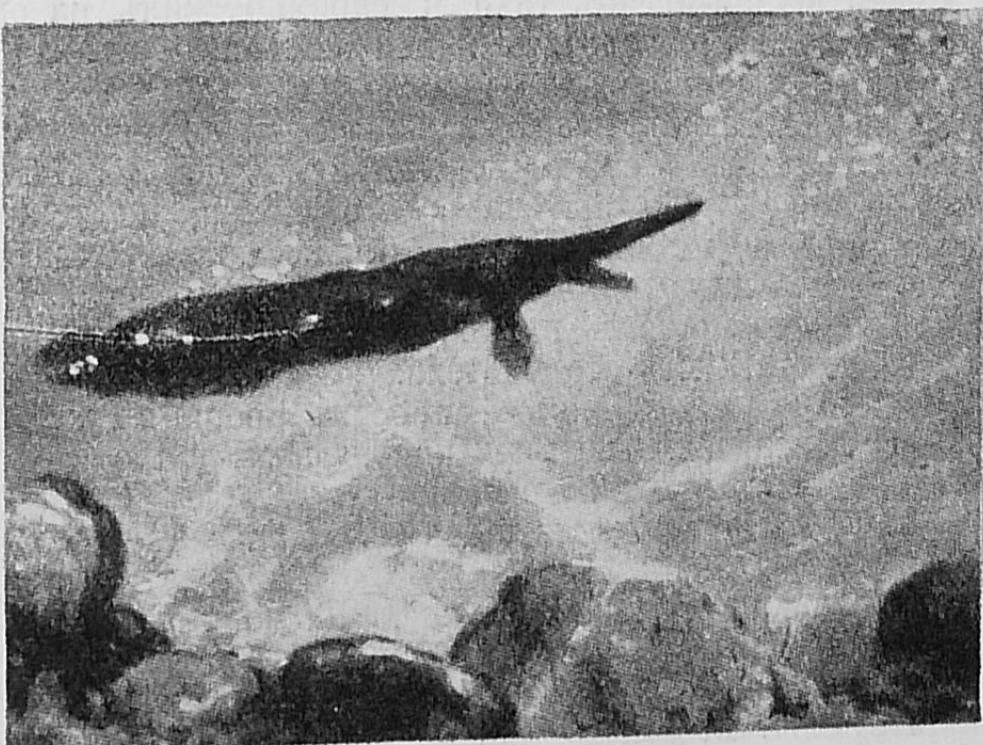
Пингвинъ на сушѣ.

Пингвинъ подъ водою.

Чайка, ныряющая подъ водою.

Движенія выдры подъ водою.

Шахъ и „ракъ“.

(Изъ восточной мудрости). Вл. Тихонова.

Иранъ стоналъ подъ гнетомъ свирѣпаго владыки Зоорабъ-Рустемъ-шаха. Страна была разорена непрерывными войнами и непосильными поборами сатраповъ. Народъ бѣжалъ въ пустыни, предпочитая умирать тамъ съ голоду, чѣмъ наполнять шахскія тюрьмы и кормить своимъ изможденнымъ тѣломъ тюремныхъ клоповъ. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ; никто не зналъ, проснется ли онъ на утро подъ своей кровлей, или будетъ посаженъ на колъ, а потомъ обезглавленъ.

Всѣмъ было тяжело, всѣмъ было невыносимо,—даже шахскихъ приближенныхъ, знавшихъ, что отъ каприза ихъ повелителя зависитъ ихъ собственная жизнь. Сегодня сатрапъ былъ осужденъ милостями, т.-е. получалъ какую-нибудь провинцію, съ правомъ грабить и разорять ее, какъ угодно; а на другой день, часто еще не добравъ до мѣста своего назначенія, онъ случалъ приказъ вернуться и отдавался въ руки палача. А потому люди, еще бывшіе у власти, торопились набивать свои тайники награбленнымъ золотомъ, закрѣпощать за собой громадные участки земель, отнимать у бѣдняковъ послѣднее ихъ достояніе, ихъ женъ и дѣтей, обращая ихъ въ своихъ рабовъ и рабынь, какъ бы говоря: „хоть день, да мой!“

Всѣ были озлоблены и всѣ трепетали.

Но болѣе другихъ пострадалъ почтенный хаджи Мулей-Ассанъ, человѣкъ мудрой и праведной жизни.

Онъ былъ придворнымъ сказочникомъ и толкователемъ сновъ. Никогда не употреблялъ онъ свою близость къ шаху во зло для народа. Гдѣ и когда могъ, онъ, иногда рискуя собственной головой, отстаивалъ правду, вступался за невинныхъ, помогалъ бѣднякамъ. Его мудрость и скромный нравъ долго оберегали его отъ жестокости Зоорабъ-Рустема. Его безкорыстіе и высокая нравственность не давали наушникамъ пищи для доносовъ, которые такъ процвѣтали въ столицѣ.

Онъ не былъ богатъ, но жилъ съ достаткомъ, и его большая семья изъ пяти сыновей и двухъ красавицъ дочерей не знала нужды. Онъ благословлялъ Аллаха и служилъ вѣрно и честно своему повелителю.

Но вотъ однажды шахъ проснулся въ особенно дурномъ настроеніи духа. Ему приснился неприятный сонъ. Немедленно потребовалъ онъ къ себѣ своего снотолкователя, хаджи Мулей-Ассана, и повелѣлъ ему растолковать сновидѣніе.

— Иншаллахъ!—началъ, по обыкновенію, хаджи.—Твой сонъ, о лучезарный повелитель, является какъ бы предупрежденіемъ грядущей на тебя болѣзни. Какой-то тайный недугъ подкрадывается къ тебѣ и грозитъ пресѣчь твои свѣтлые дни. Сонъ предостерегаетъ тебя и даетъ мудрый совѣтъ перемѣнить образъ жизни. Будь умѣренъ въ питьѣ и пищѣ, сдерживай свой пылкій нравъ, взвѣшивай заранѣе каждый твой поступокъ...

— Молчи, презрѣнный!—заревѣлъ Зоорабъ-Рустемъ.—Ты забылся, окруженный солнцемъ моей милости! Ты дерзаешь давать совѣты своему повелителю! Ты, ползучій червь, считаешь себя мудрѣе того, кто воленъ въ твоей жизни и смерти! Иди же съ моихъ глазъ и жди своей участи!

Хаджи Мулей-Ассанъ покорно склонилъ голову и вышелъ изъ дворца.

Когда же онъ разбитой походкой добрелъ до своего жилища, тамъ уже ждали его шахскіе посланцы, исполнители воли повелителя. А воля была такова: все имущество Мулей-Ассана отбиралось въ пользу шаха; пятеро сыновей и жена его на глазахъ старика подверглись лютой казни; дочери были уведены въ шахскій гаремъ; самому же Мулей-Ассану выкололи лѣвый глазъ и затѣмъ выгнали въ пустыню.

Иранъ стоналъ подъ гнетомъ свирѣпаго владыки Зоорабъ-Рустемъ-шаха.

Но и самъ Зоорабъ-Рустемъ-шахъ стоналъ въ когтяхъ страшнаго недуга, внидрившагося въ его тѣлѣ. Внутренности шаха горѣли въ какомъ-то неутомимомъ огнѣ. Ни пищи ни питья не принималъ больше его организмъ. Кровь приливалась къ его глазамъ; сердце разрывалось на части. И все это дѣлало повелителя Ирана еще болѣе свирѣпымъ, еще болѣе жестокимъ.

Ежедневно казнилъ онъ по нѣсколькимъ человѣкамъ врачей, не умѣвшихъ облегчить его страданія.

А врачи давно уже знали эту болѣзнь, называя ее „ракомъ“, и знали, что она неизлѣчима. И когда новыхъ призывали во дворецъ на смѣну казненныхъ, они прощались со своими родными и знакомыми и шли, какъ на плаху, потому что знали, что не будетъ имъ другого исхода.

Но въ народѣ все болѣе и болѣе пробуждались свѣтлыя надежды. Вѣсть о шахской болѣзни изъ дворца разнеслась по всему Ирану. Вѣсть о томъ, что болѣзнь эта, т.-е. ракъ, неизлѣчима, и смерть уже приближается къ Зоорабъ-Рустемъ-шаху, передавалась изъ устъ въ уста.

Шахъ, томясь на своемъ ложѣ, естественно ослабилъ бразды правленія, казня за послѣднее время только однихъ врачей.

Стали говорить и о наслѣдникѣ, добромъ и скромномъ юношѣ, имя котораго прежде никто не смѣлъ произносить вслухъ, боясь навлечь на него ужасный гнѣвъ отца. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ угасалъ шахъ, надежда на лучшее будущее возрастала въ народѣ.

А въ это время въ далекой пустынѣ бродилъ кривой хаджи Мулей-Ассанъ, славя Аллаха и изучая природу. И Аллахъ за терпѣніе и добродѣтель его удвоилъ его мудрость и открылъ ему нѣкоторыя тайны природы, скрытыя для другихъ людей.

Между прочимъ, онъ открылъ ему одинъ цвѣтокъ, корни котораго могли исцѣлить всѣ самые неизлѣчимые недуги. Цвѣтокъ этотъ, какъ все прекрасное на свѣтѣ, былъ очень рѣдокъ и росъ на почти неприступныхъ вершинахъ горъ. Цѣлой жизни одного человѣка не хватило бы для того, чтобы набрать достаточно корней для исцѣленія одного больного. И только усиліями тысячъ людей и затратой цѣлага капитала можно было добыть его въ достаточномъ количествѣ.

Но уже то, что хаджи узналъ о существованіи этого цвѣтка, была великая милость со стороны Аллаха, и Мулей-Ассанъ возблагодарилъ его.

Вѣсть о страшномъ, неизлѣчимомъ недугѣ долетѣла и до пустыни и до ушей Мулей-Ассана. И старый хаджи сказалъ себѣ:

„Вернусь въ столицу и сообщу о своемъ открытіи. Средства повелителя неистощимы. Онъ прикажетъ собрать достаточное количество цѣлебнаго корня, и тотъ принесетъ ему полное исцѣленіе. А воскреснувъ изъ мертвыхъ, Зоорабъ-Рустемъ оцѣнитъ милость Аллаха и станетъ мудрымъ и добрымъ правителемъ на счастье страны и на радость своего народа“.

Сказано-сдѣлано. Хаджи Мулей-Ассанъ вернулся въ столицу, былъ допущенъ къ умиравшему шаху и сообщилъ ему о своемъ открытіи.

Радость заблестала въ глазахъ Зоорабъ-Рустема. Собравъ послѣднія силы, онъ отдалъ приказъ добыть нужное количество цѣлебнаго корня.

Десятки тысячъ людей бросились въ горы, строили мосты, прорывали туннели, воздвигали гигантскія лѣстницы. И не успѣла одна луна смѣнить другую, какъ нужное количество цѣлебнаго корня было уже въ рукахъ хаджи Мулей-Ассана.

А тотъ, вознеся хвалу Аллаху, далъ драгоцѣнное лѣкарство едва дышавшему уже повелителю.

И чудо свершилось!

Не прошло и трехъ дней, какъ шахъ былъ уже совершенно здоровъ и снова взялъ въ свои крѣпкія руки бразды правленія. Прежде всего онъ началъ съ милостей: простилъ старый грѣхъ Мулей-Ассану и разрѣшилъ ему жить на окраинахъ столицы... А затѣмъ уже послѣдовали и наказанія. Во-первыхъ, были казнены сатрапы, распустившіе вожжи строгостей за время его болѣзни; во-вторыхъ, изгнанъ изъ предѣловъ Ирана скромный и добрый принцъ Юсуфъ за то, что имя его, какъ наслѣдника престола, громко произносилось по всей странѣ.

А затѣмъ уже все пошло своимъ порядкомъ, и снова застоналъ Иранъ подъ гнетомъ своего свирѣпаго повелителя Зоорабъ-Рустемъ-шаха.

Хаджи Мулей-Ассанъ тихо и скромно жилъ на окраинѣ столицы, уже не обзаводясь новой семьей, а только продолжая изучать тайны природы.

Но вотъ его постигъ тотъ же самый страшный недугъ, отъ котораго онъ спасъ своего повелителя. Мулей-Ассанъ зналъ средство, которое могло бы спасти его жизнь, но у него не было средствъ, чтобы достать его. Нашлась добрая, самоотверженная душа: одинъ изъ учениковъ стараго хаджи бросился во дворецъ, упалъ передъ шахомъ на колѣни и сообщилъ ему о страшномъ недугѣ, постигшемъ его учителя.

— Чего жъ ты хочешь?—спросилъ Зоорабъ-Рустемъ-шахъ.

— О повелитель, назначь новую экспедицію въ горы для добыванія чудодѣйственнаго корня!

Шахъ улыбнулся. Онъ былъ въ этотъ день въ хорошемъ расположеніи духа.

— А знаешь ли ты, сумасшедшій, во что обошлась та экспедиція? Въ десять тысячъ серебряныхъ тумановъ! И ты хочешь, чтобы для спасенія жизни каждаго бѣдняка государство тратило такія суммы? Безумецъ! Иди съ моихъ глазъ и благодари Аллаха, что я не казнилъ тебя за столь дерзкое желаніе!

Когда ученикъ, вернувшись къ учителю, сообщилъ ему о словахъ шаха, старый хаджи Мулей-Ассанъ сказалъ только:

— Иншаллахъ! Да, сынъ мой! На свѣтѣ издавна такъ устроено, что все дѣлается только для сильныхъ и богатыхъ.

И—умеръ.

Подмѣси и поддѣлки пищевыхъ припасовъ.

(Съ 8 рис. на стр. 819 и 820).

Были нѣкогда блаженныя времена, когда никакая поддѣлка какого бы то ни было „дара Божьяго“, т.е. пищевого вещества, никому и на умъ не приходила. Но этотъ золотой вѣкъ миновалъ съ такою рѣшительностью, что о его возвратѣ при установившемся культурномъ строѣ жизни стало безумно и мечтать. Теперь всякія поддѣлки, подмѣси, „искусственные“ продукты, стали предметомъ самыхъ усиленныхъ заботъ и стараній промышленности. Вспомните хотя бы знаменитый маргаринъ, который такъ нашумѣлъ съ полвѣка тому назадъ, съ которымъ и теперь еще санитарныя власти всего цивилизованнаго міра ведутъ войну. А между тѣмъ какой мощный толчокъ далъ этотъ маргаринъ человѣческой изобрѣтательности! Вѣдь тогда, почти вслѣдъ за нимъ, за этимъ „искусственнымъ“ масломъ, появились даже искусственныя яйца. Да не подумаетъ читатель, что мы шутимъ, — производство этихъ псевдо-яицъ было въ свое время подробно описано, напр., въ журналѣ „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“ за 80-е годы. Какой-то шутникъ-американецъ, восхищенный этой технической новостью, съ пафосомъ воскликнулъ: „Теперь остается только выдѣлать искусственнаго потребителя для всѣхъ этихъ искусственныхъ продуктовъ!“

Рис. 1. Ареометръ.

Хозяйкамъ въ большихъ городахъ при покупкѣ припасовъ приходится держаться на сторожѣ. Среди сколько-нибудь ходкихъ припасовъ не найти ни одного, который бы не претерпѣвалъ всякихъ поддѣлокъ, сдабриваній, поправокъ и подмѣсей. Возьмемъ хотя молоко, начнемъ съ него, какъ съ предмета широчайшаго потребленія. Нѣтъ ничего проще, какъ его обезжирить, т.е. снять съ него часть сливокъ, а затѣмъ болѣе или менѣе щедро рукою присоединить къ нему воды. Правда, вода придаетъ молоку синеватый отцвѣтъ, весьма изобличающій, и его нельзя всучить опытной хозяйкѣ. Но это бѣда поправимая: жидковатость молока, разбавленнаго водою и его синева довольно удачно маскируются примѣсями мучистыхъ веществъ — крахмала, муки, яичнаго бѣлка и желтка; желатина, рыбій клей придаютъ ему утраченную отъ разбавленія густоту. Все это покупается неопытнымъ и неосмотрительнымъ потребителемъ, и скверное мѣсиво преспокойно обращается на рынкѣ, какъ неподдѣльный продуктъ. Въ расчетѣ на полчища ротозѣевъ, предприимчивые люди даже придумали искусственное молоко. Основою его служить кровяная сыворотка: ее разводятъ водою и разбалтываютъ въ ней бычьи мозги, а затѣмъ натуральная молочная бѣлая мутность придается этому мѣсиву эмульсіею изъ какого-нибудь маслянистаго сѣмени — конопли, мака или миндаля.

Распознаваніе „подправленнаго“ молока вообще не трудно, но требуетъ однако времени, вниманія и навыка. Примѣсь воды (т.е. одной только воды) легко распознается по синему отцвѣту и по удѣльному вѣсу, а этотъ послѣдній опредѣляется общеизвѣстнымъ приборомъ — ареометромъ. Устроены спеціальныя ареометры для молока, которыми по цифрамъ на скалѣ можно опредѣлить примѣсь и ея характеръ. На рис. 1 представленъ ареометръ, употребляемый санитарною полиціею въ Германіи. На рис. 2 наглядно показанъ способъ его употребленія, о которомъ считаемъ лишнимъ распространяться. Молоко нѣсколько тяжелѣе воды, потому что въ немъ есть составныя части, которыя тяжелѣе воды: соли, творогъ. Поэтому ареометръ меньше погружается въ молоко, чѣмъ въ чистую воду; а чѣмъ больше въ немъ воды, тѣмъ оно легче, и тѣмъ глубже въ него погружается ареометръ. Но, наоборотъ, чѣмъ жирнѣе молоко, тѣмъ оно легче (жиръ легче воды), и, значитъ, въ жирное молоко ареометръ погрузится

глубже, чѣмъ въ тощее. Грубыя примѣси къ молоку въ родѣ мѣла (бываетъ и онъ!), муки, крахмала распознаются по неизбѣжному осадку, который даетъ такое молоко, если дать ему хоть недолго спокойно постоять. Мѣль шипитъ отъ кислотъ, мука и крахмалъ даютъ густое синее окрашиваніе, если прилить къ нимъ нѣсколько капель іодной настойки. Кто располагаетъ микроскопомъ, увеличивающимъ въ 100—200 разъ, тотъ легко можетъ распознать примѣси къ молоку. Сильно разбавленное молоко содержитъ гораздо больше жировыхъ шариковъ, потому что они дробятся и мельчаютъ отъ воды (рис. 3 и 4). Если наметать глазъ въ распознаваніи подъ микроскопомъ муки, крахмала, то, конечно, будетъ очень легко открыть эти примѣси и въ молокѣ.

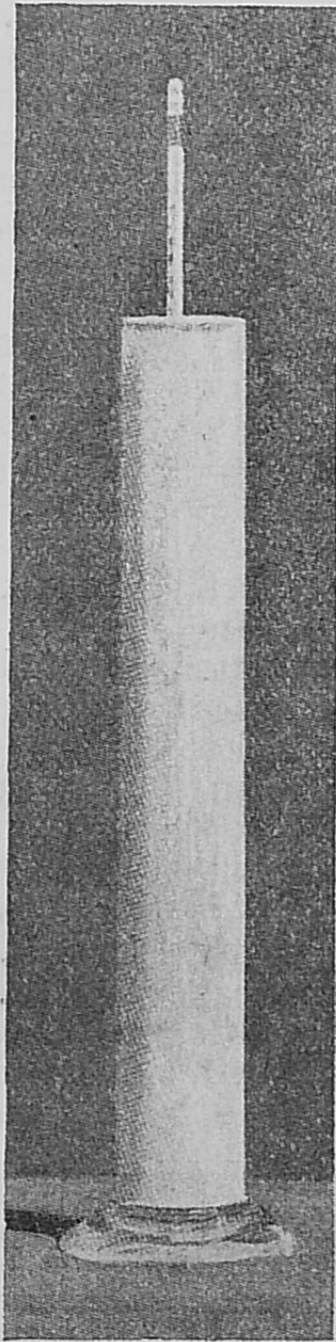

Рис. 2. Испытаніе молока ареометромъ.

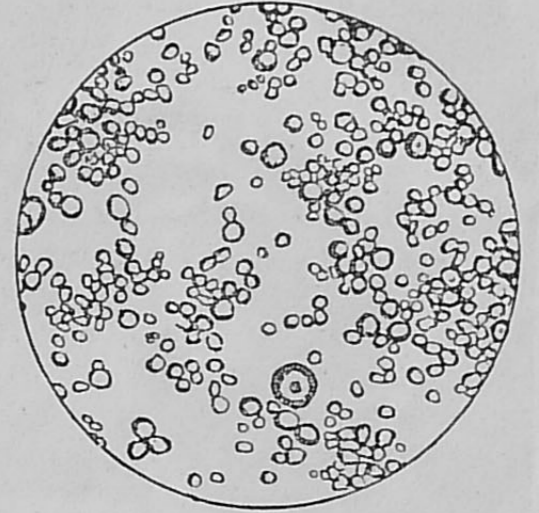

Рис. 3. Натуральное молоко.

Масло терпитъ много фальсификацій: въ него втираютъ муку, мятый вареный картофель, снятое молоко, уваренное до густоты сиропа, всякіе жиры, сыръ. Любители спрашиваютъ желтое масло, и производители щедро его подкрашиваютъ. Ради тяжести (чтобы выиграть при продажѣ на вѣсѣ), къ нему прибавляютъ свинцовыя бѣлила. Всѣ примѣси къ маслу легко обнаруживаются при растапливаніи масла: онѣ либо даютъ осадокъ, либо мутятъ масло, которое въ расплавленномъ видѣ должно быть прозрачно и давать лишь небольшой осадокъ творога. Искусственная окраска обнаруживается при опусканіи кусочка масла въ горячую воду: вода становится желтою.

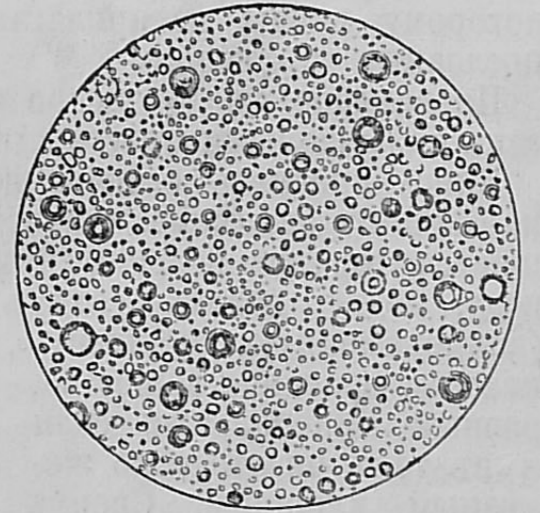

Рис. 4. Разбавленное молоко.

Сыръ — тоже мученикъ фальсификаторовъ. Въ него вминаютъ хлѣбный мякишъ, мятый картофель, мѣль (для груза). Острые сыры иногда орошаютъ такими легко-загнивающими жидкостями, которыя намъ нельзя даже и назвать. Во время вызрѣванія на сырѣ во множествѣ садятся мухи; чтобы ихъ истребить въ помѣщеніи, иные догадливые сыродѣлы смачиваютъ сыръ растворомъ мышьяковистой кислоты, либо прямо какимъ-нибудь продажнымъ снадобемъ для истребленія мухъ.

Мясо заслуживало бы само по себѣ обстоятельной замѣтки, но мы здѣсь не располагаемъ мѣстомъ, чтобы распространяться о немъ. Скажемъ только, что обычнымъ приѣмомъ мясниковъ является подмѣна дорогого мяса, напр., свинины, дешевымъ, напр., кониною, особенно въ колбасномъ товарѣ. Свиной жиръ поддѣлывается всякимъ другимъ, малоцѣннымъ, часто весьма сомнительнаго происхожденія; такъ, напр., колбасники, варя свои товары, изъ которыхъ вытапливается сало, собираютъ эти выварки и продаютъ ихъ за топленое свиное сало. Въ колбасы щедро рукою валятъ муку. (рис. 5).

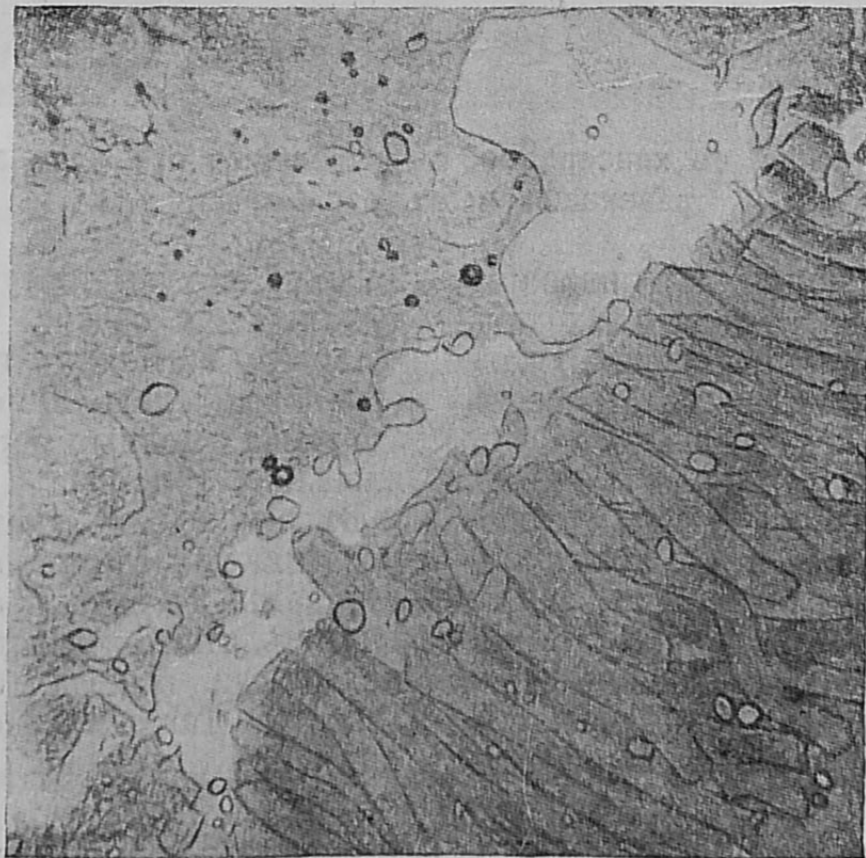

Рис. 5. Ливерная колбаса съ примѣсью муки.

Хлѣбное зерно поддѣлыватели стараются главнымъ образомъ повысить въ вѣсѣ и объемѣ и съ этою цѣлью валятъ въ него лопатами песокъ, всякій растительный мусоръ; если есть подъ рукою (а у запасливыхъ людей всегда есть) старое, лежалое, подмоченное зерно, то его щедро прибавляютъ къ хорошему зерну.

Мука привлекаетъ на себя особое вниманіе рыцарей наживы, когда она дорожаетъ. Къ ней прибавляютъ негодный, лежалый картофельный крахмалъ или плохую муку. Далѣе мелочь рожь, бобы, чечевицу, гречиху, овесъ — все, что дешево можно достать, и валятъ все

это въ пшеничную муку. За границей тысячи разъ обнаруживали въ мукѣ примѣсь: молотую кость, мѣль, квасцы, магнезію, цинковыя бѣлила, даже мѣднѣй купоросъ! Должно-быть, для цвѣта.

Яйца надо испытывать лишь на ихъ свѣжесть; о грубыхъ манипуляціяхъ съ ними что-то не слышать, ихъ оставляютъ пока въ покоѣ. Лучшее испытаніе яйца — это разсматриваніе его противъ сильнаго свѣта, зажавъ въ рукѣ. (рис. 6). Свѣжее яйцо

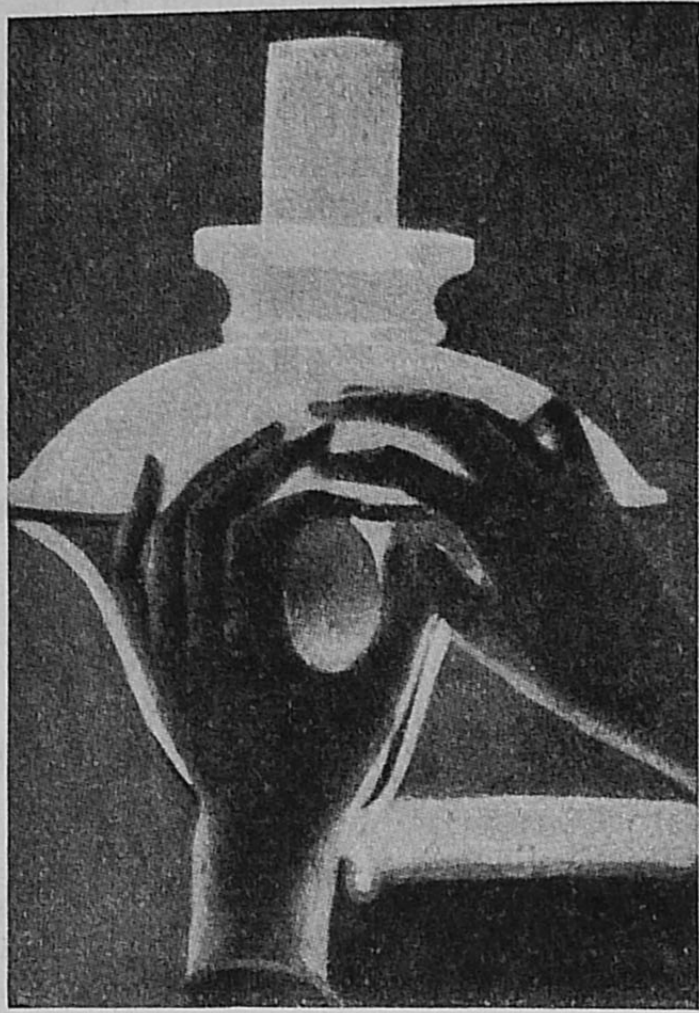

Рис. 6. Испытаніе яйца на свѣтъ.

легко просвѣчиваетъ и полно; лежалое — мутновато, и въ немъ ясно видно полое мѣсто на вершинкѣ — результатъ испаренія воды; испорченное яйцо чуть просвѣчиваетъ или вовсе не пропускаетъ свѣта.

Бобы, когда они залежатся и станутъ слишкомъ тверды, подвергаются вымачиванію въ горячемъ щелокѣ. Они отъ этого замѣтно „подновляются“, но зато въ нихъ образуются ядовитыя вещества. Зеленый горошекъ, чтобы подвеселить, оживить его цвѣтъ, кипятятъ въ ярымѣднѣнкѣ, сообщая ему этимъ безцеремоннымъ пріемомъ такую ядовитость, которую не всякій желудокъ вынесетъ безнаказанно.

Въ медъ примѣшиваютъ крахмаль, муку, тертые печеные каштаны, камедь, вареный картофель, декстрины.

Приготавливаютъ и „искусственный“ медъ изъ патоки, къ которому пчелы не прилагали ни капли своего вошедшаго въ поговорку трудолюбія.

Прованское масло щедро подмѣшиваютъ дешевыми маслами, такъ называемыми „постными“.

Вино — предметъ безконечныхъ поддѣлокъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что поддѣльныхъ винъ въ продажѣ обращается гораздо больше, чѣмъ натуральныхъ. Въ вино льютъ воду, водку, валяютъ сахаръ, патоку, примѣшиваютъ кислоты (виннокаменную, дубильную, уксусную, сѣрную), мѣль, гипсъ, квасцы, красящія вещества, разныя минеральныя соли и въ томъ числѣ даже желѣзныя купоросы! Сверхъ того, публика выпиваетъ неизмеримое количество вина якобы винограднаго, но родство котораго съ виноградомъ документировано только ярлычкомъ на бутылкѣ.

Пиво, какъ извѣстно, требуетъ для своего сдобриванія прибавки хмеля. Но хмель дорогъ, и его преспокойно замѣняютъ разною горечью растительнаго происхожденія — отваромъ цикорія, исландскаго мха, листьевъ трилистника (вайды, Menyanthes), липы, васильговъ, полыни, горьчавки (Gentiana), головокъ мака, белены, дурмана, опьяняющаго плевела (Lolium temulentum), квасцы, кукельвана, перца, гвоздики, имбиря.

Для усиленія хмельности пива французскіе пивовары изобрѣли какое-то адское мѣсиво, въ составъ котораго входитъ мѣднѣй купоросъ. И подкрашиваютъ пиво тоже иной разъ ужасными скверностями, на примѣръ, отваромъ изъ разныхъ отбросовъ съ скотобоенъ.

Чрезвычайно любопытное исчисленіе произведено надъ чаемъ. Въ настоящее время Европа потребляетъ его въ такомъ количествѣ, что если бы весь этотъ чай былъ натуральный, неподдѣльный, то это означало бы, что чайными плантаціями занята одна пятая часть всей твердой земной поверхности. Отсюда явствуетъ, что поддѣльность большей части обращающагося въ торговлѣ чая не подлежитъ никакому сомнѣнію. Поддѣлка начинается въ самомъ Китаѣ. Дознано, что нѣкоторые сорта чая,

особенно любимые въ Англіи (гдѣ распространенъ сортъ, называемый Gun Powder, т.-е. ружейный порохъ), подмѣшиваются въ Китаѣ экскрементами шелковичнаго червя, — подмѣсь, очень общедоступная въ Китаѣ съ его до-нелзя развитымъ шелководствомъ. Въ Европѣ чай поддѣлывается простѣйшимъ способомъ: къ листьямъ натурального чая примѣшиваютъ листья другихъ растений, похожія по виду на чайныя: терновника, ясеня, бузины, боярышника, ивы, тополя, вишни, лавра. Мѣстами широко развита у насъ въ Россіи культура кипрея, доставляющаго продуктъ, очень похожій на чай по вкусу и, по счастью, безвредный.

Въ кофе, кромѣ ставшаго классическимъ цикорія, кладутъ поджаренный овесъ, ячмень, морковь, рѣпу, жолуди, каштаны, древесныя опилки и — странный суррогатъ! — поджаренную конскую печенку! Одно время въ Германіи ухитрились выпустить въ продажу дивной вѣшности кофе (сырой, въ зернахъ), изготовленный изъ глины. Самый цикорій, суррогатъ кофе, получившій право безспорнаго гражданства, тоже поддѣлывается: въ него затираютъ кирпичъ, песокъ, охру и сажу.

Изъ пищевыхъ приправъ не мало достается отъ фальсификаторовъ уксусу, перцу и соли. Такъ какъ уксусъ по своей сути есть не что иное, какъ сильно разведенная уксусная кислота, то его безъ церемоніи и замѣняютъ всякою другою разведенною кислотою: сѣрною, соляною, азотною. Очень часто уксусъ еще подправляютъ чѣмъ-нибудь пикантнымъ, чтобы придать ему ароматъ или особую ѣдкость, жгучесть, особый привкусъ: съ этою цѣлью пользуются горчицею, перцемъ. Иной разъ, при продажѣ уксуса на вѣсъ, груза ради прибавляютъ къ нему соли, уксусно-кислой извести, сахара, патоки.

Какъ ни дешева соль, но есть много вещей еще дешевле, и, значитъ, есть прямая выгода примѣшивать къ ней эти вещества, каковы, напр., гипсъ, морская соль, зола морскихъ водорослей, квасцы, глауберова соль, хлористый калий, разные солевые отбросы, даже песокъ и глина. При многочисленныхъ анализахъ образцовъ продажной соли въ Парижѣ въ ней находили мышьякъ, желѣзо, свинецъ, мѣдь.

Торговый перецъ за границей нерѣдко оказывался совсѣмъ не перцемъ, а рапсомъ. Это — очень обыкновенное, широко-разводимое растеніе, близко родственное рѣпѣ; изъ его сѣмянъ готовятъ дешевое масло. Зерна рапса очень искусно покрываютъ какою-то хитро придуманною смѣсью изъ ржаной муки, перечныхъ облоковъ, горчицы и стручковаго перца; подкрашиваютъ рапсовыми жмыхами и толчеными корнями персидской ромашки. Англичане — большіе любители каенскаго перца и, конечно, цѣнятъ его характерный красный цвѣтъ. Въ угоду публикѣ торговцы щедро подкрашиваютъ этотъ перецъ суррикомъ, киноварью, красною глиною. Въ молотый перецъ валяютъ все сырое, подходящее подъ цвѣтъ:

жмыхи, сухую тертую картофельную шелуху, муку изъ залежавшихся бобовъ или чечевицы, крахмаль, песокъ. Въ нѣкоторыхъ образцахъ продажнаго перца въ Голландіи находили свинцовый глетъ. Перецъ никогда не мѣшаетъ испытать водою: здоровыя, полныя зерна тонуть, пустыя зерна и примѣси — всплываютъ (рис. 7).

Въ заключеніе укажемъ еще на очень наглядный признакъ, позволяющій судить о качествѣ консервовъ, запаянныхъ въ жестянкахъ. Въ случаѣ если такое консервированное добро начнетъ киснуть, гнить, разлагаться, изъ него выдѣляются газы, которые, не находя выхода, болѣе или менѣе вспучиваютъ жестянку (рис. 8). Такія вспученныя жестянки слѣдуетъ браковать при покупкѣ.

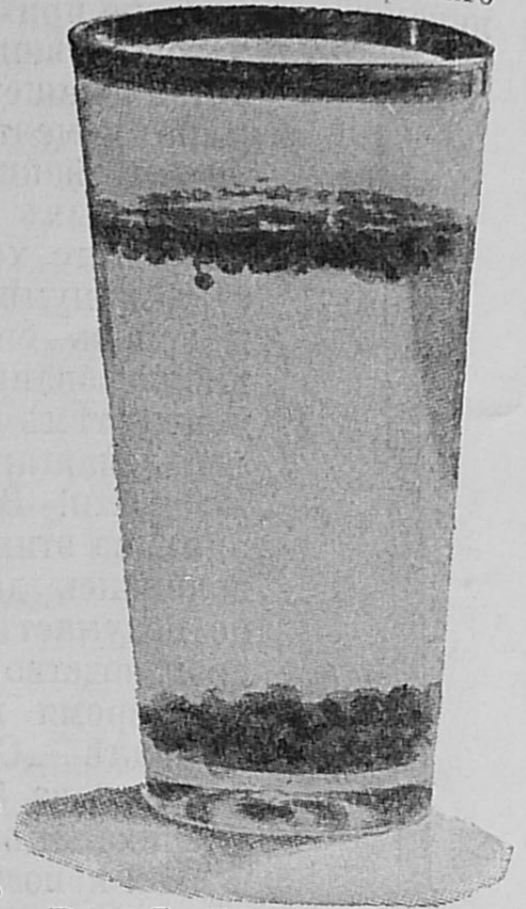

Рис. 7. Испытаніе перца водою.

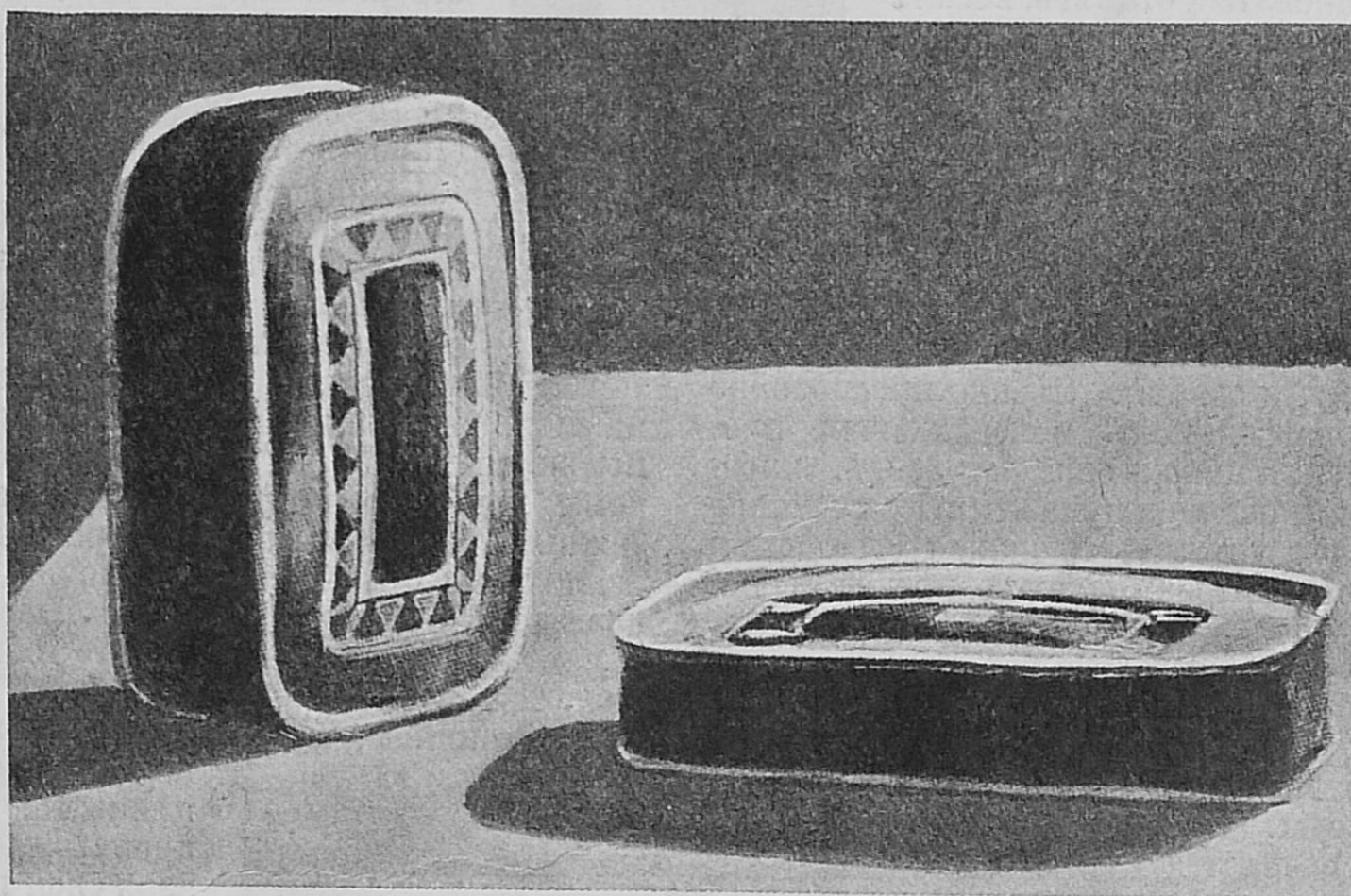

Рис. 8. Коробка съ консервами, выпучившаяся отъ напора газовъ, развившихся отъ разложенія.

Россия и Австрия на Балканах.

(Политическое обозрѣніе).

Запоздалыя усилія дипломатіи, сдѣлавшей энергичныя представленія Турціи и балканскимъ державамъ, какъ и слѣдовало ожидать, не дали никакихъ результатовъ: война началась и съ первыхъ же дней ознаменовалась стремительнымъ нападеніемъ черногорцевъ, цѣлымъ рядомъ ихъ неотразимыхъ атакъ на турецкіе блокгаузы и укрѣпленія, паденіемъ казавшихся неприступными, прекрасно вооруженныхъ, твердынь, сдачей фортовъ Тузи и Вранья съ пушками, пулеметами, знаменами, съ огромнымъ запасомъ маузеровскихъ ружей, провіанта и тысячами военнопленныхъ.

Въ черногорскихъ побѣдахъ есть что-то поистинѣ чудесное, сверхчеловѣческое: это побѣда Давида надъ Голіафомъ, заставляющая чувствовать силу Божьяго благословенія въ неравной борьбѣ за правое дѣло. Съ точки зрѣнія обыкновенной человѣческой стратегіи такой почти мгновенный разгромъ сильнѣйшаго непріятеля кажется героической сказкой. Турки оказываютъ упорное сопротивление, по признанію самого короля Николая, защищаются, какъ львы, но ихъ выдающееся мужество, превосходное оружіе, преимущество укрѣпленныхъ позицій и общей численности стянутыхъ противъ Черногоріи войскъ—ничто не спасаетъ ихъ отъ пораженія, словно на сторонѣ сражается противъ нихъ невидимая небесная рать. Турецкіе низамы считаются одними изъ лучшихъ солдатъ въ мірѣ, и если они безпомощно сдаются и пасуютъ передъ горстью черногорцевъ, то, очевидно, послѣдніе обладаютъ какой-то сверхчеловѣческой силой.

Торжество черногорскаго оружія имѣетъ огромное нравственное значеніе. Слава черногорскихъ побѣдъ дѣйствуетъ на все славянство, какъ пріемъ мускуса. Она заставляетъ все славянскіе народы чувствовать свои живыя силы и поднимать низко опущенныя головы. Национальное родство съ сказочными героями, общность проливаемой ими крови, общность героическаго духа уже создаютъ и въ русскомъ обществѣ бурный подъемъ настроенія, который сдѣлаетъ, быть-можетъ, уже невозможнымъ и немислимымъ дальнѣйшее продолженіе политики подавленнаго унынія и робкаго самоотрицанія. Совмѣстное съ Австріей выступленіе русской дипломатіи попытками укрощенія балканскихъ державъ одними словесными обѣщаніями турецкихъ реформъ въ Македоніи безъ какихъ бы то ни было дѣйствительныхъ гарантій не успѣло оказать никакого дѣйствія на Балканахъ, но зато успѣло раздражить русское общество. Балканскія державы не просятъ нашей помощи въ борьбѣ съ Турціей, онѣ надѣются справиться съ нею своими силами, но, имѣя въ тылу свою враждебную Австрію, опасаются съ ея стороны вѣроломнаго удара въ спину и предаются съ ея стороны оставленной ушедшими на югъ арміями родины. По ихъ ожиданіямъ, Россія должна гарантировать своимъ вѣрнымъ словомъ безопасность ихъ пепелищъ отъ австрійскаго нашествія. Во времена значительно менѣе критическія для славянства покойный государь Александръ III въ бесѣдѣ съ сербскимъ государственнымъ дѣятелемъ Пашичемъ въ отвѣтъ на опасенія австрійскаго нашествія на Бѣлградъ со свойственной ему рѣши-

тельностью и опредѣленностью сказалъ, что на каждаго австрійскаго солдата, перешедшаго сербскую границу, онъ пошлетъ по три казака въ Галицію. Рѣшительный тонъ великаго провозвѣстника національной русской политики вполне понятенъ, потому что, поддерживая неприкосновенность созданныхъ русскою кровью на Балканахъ славянскихъ державъ и не допуская Австрію къ захвату славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Россія, въ сущности, защищаетъ не только ихъ, но и самое себя. Отступить отъ этихъ началъ русской политики, положенныхъ Александромъ III, не могутъ ни русское общество ни русская дипломатія безъ риска совершенно разорвать съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Желая локализовать балканскій пожаръ, они до нѣкоторой степени уже гарантировали невмѣшательство Австріи въ

балканскую войну подъ условіемъ сохраненія даже въ случаѣ побѣды балканской коалиціи территоріальной неприкосновенности Турціи и ея суверенитета въ реформированныхъ на началахъ децентрализации областяхъ. Но въ то же время отъ формальнаго объявленія нейтралитета Австрія уклонилась и оставила за собою право вмѣшательства въ балканскую войну въ случаѣ, если ея интересамъ въ Старой Сербіи и Новобазарскомъ санджакѣ (т.-е. другими словами, ея планамъ грядущаго захвата санджака) будетъ нанесенъ ущербъ, и для осуществленія этого вмѣшательства спѣшно производить тайную мобилизацію пограничныхъ корпусовъ на югъ и на востокъ. Можно опасаться, что мягкая податливость русской дипломатіи нисколько не обезоруживаетъ Австрію, но еще болѣе разжигаетъ ея аппетиты. Такимъ образомъ не уменьшается, а напротивъ—значительно увеличивается опасность войны. Сколь-нибудь прочный миръ можетъ держаться не на боязливомъ отреченіи великихъ народовъ отъ своихъ кровныхъ національныхъ интересовъ, а на искусномъ и разумномъ примиреніи послѣднихъ, которое и должно составлять задачу дипломатіи. Александръ III недаромъ стяжалъ себѣ

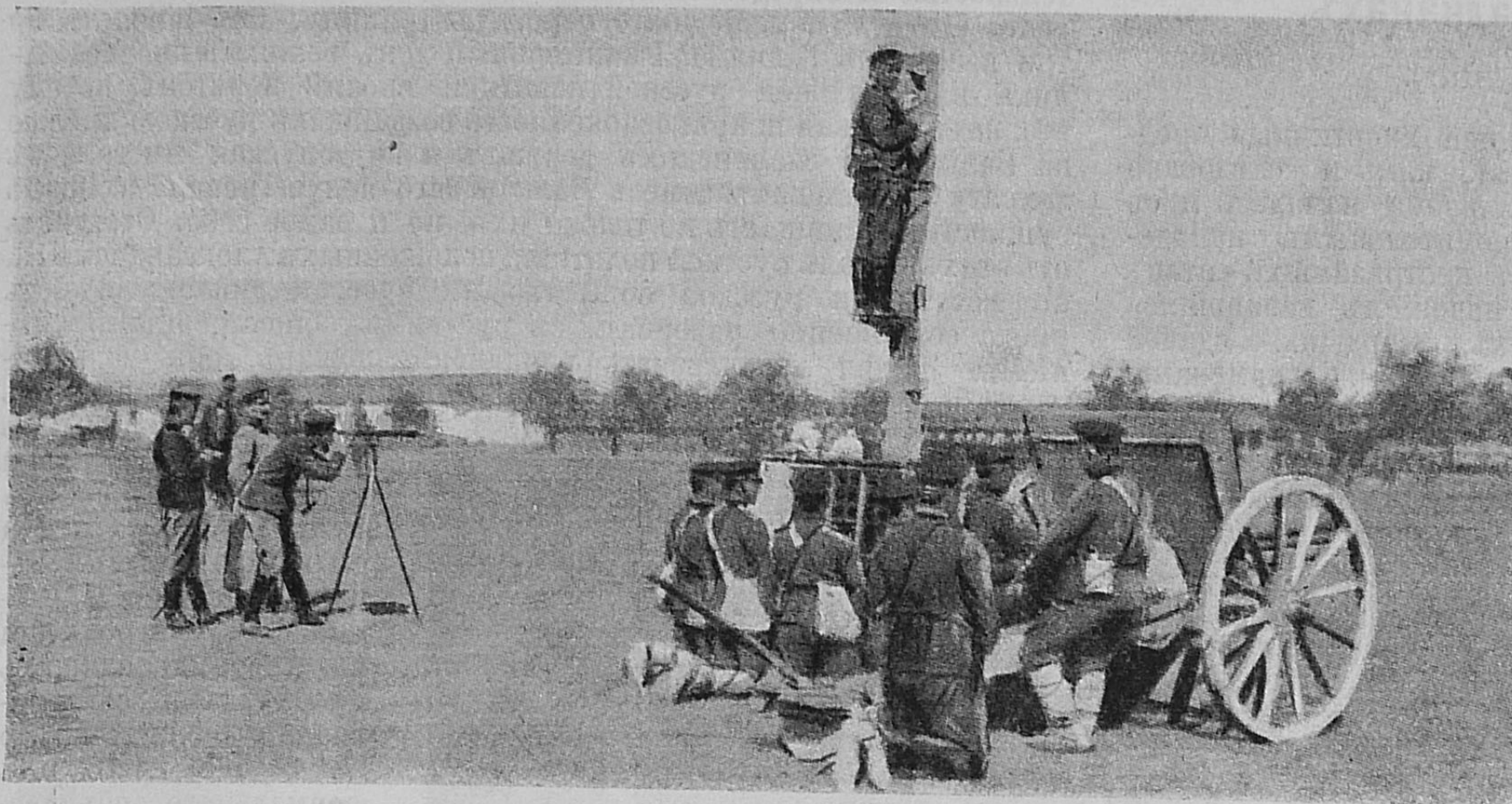

Р. Пуанкаре, французскій премьер-министръ и министр иностранныхъ дѣлъ.

С. Сазоновъ, русскій министр иностранныхъ дѣлъ.

Совѣщаніе о балканскихъ дѣлахъ русскаго и французскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ, въ кабинетѣ Р. Пуанкаре въ Парижѣ, 24 сентября с. г.

титულъ Царя-Миротворца: онъ дѣйствительно охранялъ и поддерживалъ своимъ рѣшительнымъ словомъ европейскій миръ именно благодаря тому, что умѣлъ заставить Европу уважать права Россіи, и никого не поощрялъ къ черезчуръ рискованнымъ посягательствамъ на ея національное достоинство. Въ минуту надвигающагося общеевропейскаго кризиса русская дипломатія должна вернуться къ здоровымъ завѣтамъ Монарха-Миротворца. Слишкомъ робкая и безличная политика уступокъ и національнаго самоотреченія вдвойнѣ опасна: извнѣ она раститъ дерзкую поведливость внѣшнихъ враговъ и безпрерывно создаетъ источники международныхъ осложненій, а внутри государства рождаетъ постепенно накопляющееся въ сердцахъ общественное недовольство и, культивируя почву для опаснаго антагонизма, ослабляетъ силу правительственной власти. Разумное миролюбіе должно предостеречь руководителей нашей политики отъ чрезмѣрной податливости и угодливости австрійскимъ требованіямъ. Для сохраненія внутренняго и внѣшняго мира Россія обязана не отрекаться ни отъ себя самой ни отъ славянства и держать наготовѣ военную силу, способную подержать ея національныя права.

Болгарская артиллерія.

Къ рисункамъ.

Картина Ж. Жакэ „Виола“ изображаетъ молодую женщину въ старинномъ костюмѣ, съ стариннымъ музыкальнымъ инструментомъ въ рукахъ. И невольно кажется, будто отъ этой изящной картины струится тихій и мелодическій звонъ виолы — такой же гармоническій и исполненный внутренняго благородства и поэзіи, какъ и стройная фигурка молодой красавицы...

„Мотила героя“ (картина Л. Фромэ) окружена дикими скалами и священнымъ безмолвіемъ суровой и пустынной природы. На вѣковомъ дубѣ надъ нею повѣшены щитъ и мечъ героя и трофей его битвы и охоты. И слетаются къ ней вороны, любящіе битвы и кровь, приходятъ дикіе шакалы, и плачутъ въ нѣмомъ отчаяніи любившая его дѣвушка. Картина нѣмецкаго художника полна жуткаго и величаваго настроенія.

Безобразная и порочная старуха нашептываетъ молодой дѣвушкѣ слова *искушенія*... Какъ-будто само зло проникло къ ней — и обдаётъ ее своимъ ядовитымъ дыханіемъ, и сулитъ ей сладость грѣха, и зоветъ въ тайныя дебри порока, откуда уже нѣтъ выхода на честный и свѣтлый путь... Картина Ореста Пизіо, написанная въ строго реальныхъ то-

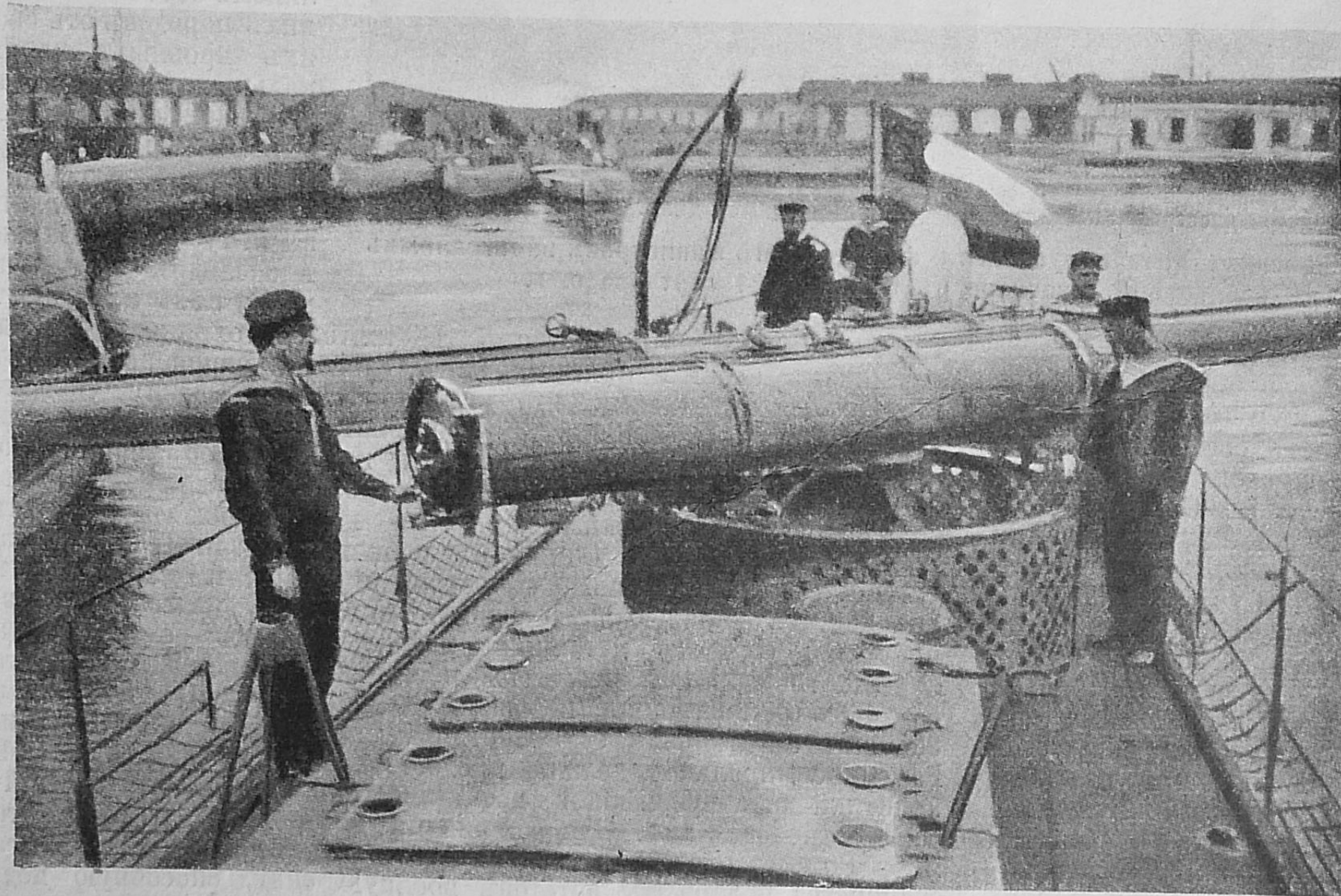

Болгарская кавалерія.

СМѢСЬ.

Обработка болотныхъ участковъ. Осушеніе болотъ на большомъ пространствѣ, какъ это, напримѣръ, было сдѣлано у насъ въ Россіи лѣтъ 20—30 тому назадъ въ Пинскомъ уѣздѣ, — предприятие, недоступное отдѣльнымъ частнымъ хозяевамъ, а доступное лишь общинамъ или правительству. Но во многихъ частныхъ хозяйствахъ найдутся небольшіе участки болотъ, «мокринки», какъ ихъ называютъ въ народѣ, которые безъ особеннаго труда могутъ быть обращены въ лугъ, въ поле, въ сѣнокосъ, въ огородъ, смотря по ихъ положенію относительно усадьбы и другихъ угодій.

Обработка такого участка, само собою разумѣется, должна начаться съ его осушенія. Наилучшій приемъ осушенія, это — спускъ воды черезъ канаву куда-нибудь въ рѣку, озеро, въ оврагъ, выходящій на рѣку, вообще въ мѣсто, лежащее ниже уровня осушаемаго участка. Но этотъ приемъ не всегда осуществимъ: сплошь и рядомъ воду бываетъ некуда спустить, по крайней мѣрѣ поблизости. Тогда приходится прибѣгать не къ спуску, а къ подъему болота посредствомъ засыпки пескомъ или другою рыхлою землею. Этотъ приемъ издавна примѣняется, и хотя дѣйствительно такимъ путемъ мокрыня превращается въ культурный участокъ, но самъ по себѣ этотъ приемъ все же неразуменъ. Болото представляетъ собою массу растительнаго перегноя, который могъ бы

Болгарская торпедная лодка.

Къ событіямъ на Балканахъ.

нахъ, полна однако символической образности.

Рисунокъ академика Н. Самокиша „Бой подъ Малымъ Ярославцемъ 12-го октября 1812“ изображаетъ одинъ изъ трагическихъ моментовъ этого знаменитаго боя, послѣ котораго Наполеонъ рѣшилъ повернуть на старую Смоленскую, разоренную имъ, дорогу вмѣсто того, чтобы отступать по богатой запасами Калужской дорогѣ. Бой подъ Малымъ Ярославцемъ принадлежитъ къ кровопролитнѣйшимъ сраженіямъ послѣбородинской эпохи. Въ немъ участвовало съ обѣихъ сторонъ до 50 тысячъ людей, при чемъ свыше 12 тысячъ было убито и ранено. Городъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и ожесточенная битва, неоднократно превращавшаяся въ рукопашное побоище, окончилась только съ наступленіемъ темноты. Къ вечеру къ мѣсту сраженія подошли многочисленныя русскія войска, и Наполеонъ не рѣшился на другой день продолжать сраженіе. И хотя городъ остался въ рукахъ французовъ, они отступили. Съ этого времени

и началось гибельное для нихъ отступление по пустынной „голодной“ дорогѣ, завершившееся ужаснымъ разгромомъ и гибелью великой арміи...

дать воздѣлываемымъ растениямъ богатый запасъ питательныхъ веществъ, а тутъ всю эту благодать хоронятъ подъ слоемъ бесплоднаго песка въ полъаршина толщиной, а иногда и больше. Если ужъ засыпать болото, то надо переслоить его съ насыпкою, т.-е. поднять верхній пластъ болотнаго перегноя, а песокъ засыпать подъ него. Такая работа будетъ, конечно, дороже простой засыпки сверху, но лишній расходъ потомъ окупится хорошими урожаями. При такой перепашкѣ болота кусты уничтожатся и многія сорныя болотныя травы, которыя впоследствии сильно досаждали бы хозяину, такъ какъ истребить ихъ простымъ выпалываніемъ очень трудно.

Болото всегда отличается особою «кислотою» почвою. Эта кислотность вредитъ культурнымъ растениямъ, и надо отъ нея отдѣлаться въ самомъ началѣ. При спускѣ воды кислотность пропадаетъ сама собою. Вода сойдетъ, болото «сядетъ», слежится, обсохнетъ, и почва его подъ вліяніемъ воздуха постепенно раскислится. Иное дѣло при засыпкѣ. Тутъ вся кислотность останется налицо, и надо съ нею бороться непосредственно. Лучшею мѣрою для закисленія почвы служить ея известкованіе, а лучшимъ матеріаломъ для известкованія служить мергель съ высокимъ содержаніемъ извести, хотя, конечно, для этого годится и всякій другой известнякъ, лишь бы онъ былъ достаточно измельченъ и подрученъ. Мергеля достаточно положить 400 пудовъ на десятину, и надо его очень равномерно разсыпать и тщательно смѣшать съ почвою болота плугомъ и бороною.

Теперь участокъ уже сталъ готовымъ для правильной культуры, и на сцену выступаетъ вопросъ о его удобреніи. Разрѣшеніе такого вопроса зависитъ отъ выбора перваго растенія, которое займетъ мѣсто на новомъ участкѣ. Въ Голландіи, гдѣ такимъ образомъ обработаны тысячи мелкихъ болотныхъ участковъ, первымъ растеніемъ послѣ ихъ обработки является картофель. Если выборъ остановился на немъ, то надо прежде всего положить на участокъ немного хорошаго навоза, не столько ради удобренія, сколько ради оживленія почвы. Навозъ внести въ нее массу почвенныхъ микробовъ, дѣятельность

которыхъ существенно необходима для благополучнаго роста культурныхъ растеній.

Картофелю нужно, чтобы въ почвѣ были кали и азотъ; это—главныя минеральныя или зольныя составныя части хорошей картофельной почвы. При урожаѣ въ 1,500 пудовъ съ десятины картофель выбираетъ изъ почвы около 10 пудовъ кали съ десятины. Для того, чтобы покрыть такой аппетитъ растенія, надо снабдить почву достаточнымъ взносомъ въ нее калийныхъ удобреній, напимѣръ, каинита, калимагнезій или другога тука, которые теперь повсюду продаются изъ складовъ удобреній. Смотря по содержанію кали, этого тука пойдетъ среднимъ числомъ около 60 пудовъ на десятину. Фосфорной кислоты картофель требуетъ немного, но надо помнить, что ея избытокъ въ почвѣ хотя и не поднимаетъ урожая количественно, но зато явно содѣйствуетъ улучшенію вкуса картофеля; поэтому при воздѣлываніи столовыхъ сортовъ можно и не скупиться на фосфорнокислый тукъ. Впрочемъ, на десятину достаточно будетъ положить 50—60 пудовъ дешеваго, такъ называемаго Томасоваго шлака. Но этотъ тукъ предпочитается раннею весною; если же работы почему-либо затянулись до апрѣля, то тогда вмѣсто него лучше взять суперфосфатъ или костяную муку.—эти туки дѣйствуютъ быстрее Томасоваго шлака.

Потребность картофеля въ азотѣ легко покрывается внесеніемъ въ почву 30 пудовъ чилійской селитры на десятину.

Такъ обычно воздѣлывается картофель на свѣжеобработанныхъ болотныхъ участкахъ въ Голландіи. Урожай его тамъ такъ великъ, что покрываютъ все мѣстныя потребности, и часть картофеля вывозится оттуда въ сосѣднія мѣстности Германіи, гдѣ этотъ голландскій картофель славится своимъ вкусомъ.

Если обработка участка была удачна, что обычно и доказываетъ хорошимъ урожаемъ доброкачественнаго картофеля, то участокъ можно считать вполне пригоднымъ для дальнѣйшихъ культуръ. На немъ послѣ картофеля отлично родится всякая капуста, въ томъ числѣ и цвѣтная. Замѣчено только, что на болотныхъ участкахъ капуста особенно часто и тяжело страдаетъ отъ извѣст-

Наслѣдный королевичъ черногорскій Данило, ставшій во главѣ черногорскаго войска, открывшаго военныя дѣйствія противъ Турціи.

Въ Черногоріи. Благословеніе войскъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

Къ событіямъ на Балканахъ.

Генераль Путникъ,
бывшій военный министръ Сербіи, назначенный
главнокомандующимъ сербской арміи.

ной каждому огороднику капустной болѣзни, такъ называемой килы. Для предупрежденія же этой болѣзни надо очень внимательно выбирать посѣвный материалъ, пользуясь только съѣмками здоровыхъ растений, которые не внесутъ заразы. Слѣдуетъ также избѣгать всякихъ органическихъ удобреній, особенно навоза, съ которымъ легче всего можно внести заразу, а употребляютъ на удобрение подкапусту исключительно минеральные туки.

Измѣреніе температуры небесныхъ тѣлъ и опредѣленіе ихъ возраста. Бѣлый свѣтъ, ко-

торый доходитъ до насъ отъ солнца и звѣздъ, состоитъ изъ разноцвѣтныхъ лучей и можетъ быть раздѣленъ на составныя части. Тогда получается цвѣтная полоса, называемая спектромъ. Когда спектры разныхъ звѣздъ были изслѣдованы, то было замѣчено, что полосы цвѣтовъ перекрещиваются темными чертами, которыя въ точности соотвѣтствуютъ въ ихъ относительномъ положеніи линіямъ, обнаруженнымъ въ спектрахъ различныхъ элементовъ, существующихъ на землѣ. Такъ, лабораторный спектръ водороднаго газа имѣетъ нѣсколько линій, перекрещивающихъ цвѣтныя полосы спектра въ разныхъ промежуткахъ, которые всего значительнѣе въ красной части

спектра и все сближаются по мѣрѣ приближенія къ фіолетовому концу спектра. И вотъ линіи, совершенно такъ же расположенныя, нашлись въ спектрахъ большинства звѣздъ, изъ чего и заключили, что на этихъ звѣздахъ имѣется водородъ. Другіе ряды темныхъ полосъ на спектрахъ звѣздъ указывали на присутствіе желѣза, алюминія и т. д. Дальнѣйшія изслѣдованія англійскаго астронома Норманда Локьера побудили его раздѣлить всѣ звѣзды на двѣ главные группы: испускающихъ болѣе горячіе и испускающихъ болѣе холодные лучи. Звѣзды съ болѣе низкою температурою были признаны молодыми свѣтилами; ихъ спектры проявляли присутствіе такихъ химическихъ элементовъ, которые при лабораторныхъ опытахъ показываютъ болѣе низкую температуру. При дальнѣйшемъ развитіи звѣзды становятся горячѣе, и въ нихъ распознаются другіе элементы до тѣхъ поръ, пока звѣзда не дойдетъ до полнаго развитія, до зрѣлости. Послѣ того свѣтило начинаетъ стариться, и сообразно съ этимъ все время измѣняется его спектръ, и такъ дѣло идетъ до тѣхъ поръ, пока свѣтило не охладится вполне, какъ наша луна.

Генераль Абдулла-паша,
главнокомандующій турецкой арміи,
назначенной дѣйствовать противъ Болгаріи.

Въ Черногоріи. Король черногорскій Николай I объявляетъ съ балкона своего дворца о мобилизаціи войскъ для борьбы съ Турціей.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Кладъ. Разсказъ Г. Яблочкова. (Продолженіе).—Осень. Стихотвореніе Владиміра Радоліна.—Изъ книги „Солнце Жизни“. Фаворъ А. М. Федорова.—Фотографированіе подъ водою.—Шахъ и „ракъ“. (Изъ восточной мудрости). Вл. Тихонова.—Подмѣси и поддѣлки пищевыхъ припасовъ.—Россия и Австрія на Балканахъ. (Политическое обозрѣніе).—Къ рисункамъ.—Объявленія.
РИСУНКИ: „Віола“.—Могила героя.—Искушеніе.—Бой подъ Малымъ Ярославцемъ 12 октября 1812 г.—Фотографированіе подъ водою (6 рис.).—Подмѣси и поддѣлки пищевыхъ припасовъ (8 рис.).—Совѣщаніе русскаго и французскаго министровъ иностранныхъ дѣлъ.—Къ событіямъ на Балканахъ (5 рис. и 3 портрета).
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. 6.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

КРАСОТУ

придает нежное, чистое лицо, розовый юный видъ, бѣлая, бархатная кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица. Все это достигается настоящимъ

МЫЛОМЪ „КОНЕКЪ“

изъ молока лѣлинъ
Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ.

Кусокъ 50 коп. Можно получать вездѣ.
Требуйте только красную упаковку.

Главный складъ для Россійской Имперіи:

Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая конюшенная № 10.

За 90 коп. (русс. об. мар.) высылаю въ закр. письмѣ на русс. яз. секретъ честнаго выигрыша въ любой карточной игрѣ. Адр.: Paris, Boulevard Beaumarchais 24. S. Zipin-Edurlene. 2-1

МОСКОВСКАЯ Касса взаимной помощи невестъ.
Москва, Фуркасовскій пер., д. Кононовой. Телеф. 191-14.

Существуетъ съ 1-го мая 1902 года, обеспечиваетъ приданымъ отъ 100 до 3000 р. Къ обеспечиванію принимаются дѣвочки въ возрастѣ отъ рожденія до 10 лѣтъ. Записываться могутъ всѣ лица безъ различія званія и вѣроисповѣданія, проживающія въ Имперіи. Плата отъ 15 коп. въ мѣсяцъ. Уставъ утвержденъ Правительствомъ и высылается за 7 коп. марку. Касса не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей и насчитываетъ въ своемъ составѣ 1200 членовъ, обеспечивающихъ 1450 невестъ на сумму 995.000 руб. Всѣ капиталы кассы хранятся въ Государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. 4-1

НЕВРАЛЬГІЯ И ГОЛОВНЫЯ БОЛИ.

окончательно излѣчены даровымъ совѣтомъ. Я довожу до всеобщаго свѣдѣнія о слѣдующемъ даровомъ совѣтѣ, который излѣчилъ меня отъ хронической невралгіи и головныхъ болей. Я буду очень радъ, если какой-нибудь страдалецъ этимъ тоже воспользуется. Войдите въ ближайшую аптеку или аптекарскій складъ и возьмите 60 гранъ Кефалдола-Сторъ въ таблеткахъ. Примите 2 таблетки сразу и по одной таблеткѣ каждые полчаса, это вылѣчитъ Васъ окончательно.

Я былъ пораженъ такимъ быстрымъ излѣченіемъ. Этимъ средствомъ пользовались мои друзья, страдавшіе невритомъ, ишиасомъ, ревматизмомъ, и оно дало имъ такіе же хорошіе и быстрые результаты. П.

87407

ИЗБАВИТЬСЯ отъ

КРЫСЪ И МЫШЕЙ

можно только бактериальной заразой химико-бактериологической лабораторіи

Б. ГУРЕВИЧА. КИЕВЪ, Б. Васильковская, 10.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ и БЫСТРОЕ

массовое истреб., безвредн. для людей и домашн. живот. Пор. въ 2 р. 5 к., 5 р. 20 к. 37257 (съ перес.) 8-3

ОБЩІЯ БОЛѢЗНИ И ЗАПОРЪ. Одной изъ важнѣйшихъ основъ общей терапіи является правило, что при общихъ болѣзняхъ необходимо тщательно слѣдить за правильнымъ функционированіемъ кишечника и бороться съ запоромъ.

CASCARINE LEPRINCE (Каскаринъ Лепрэнсъ) вполне пригоденъ для этой цѣли. Онъ имѣетъ очень удобную форму для примѣненія, можетъ быть принимаемъ ежедневно безъ опасенія, усиливаетъ обмѣнъ веществъ и улучшаетъ пищевареніе, что естественно вліяетъ очень благоприятно на общее состояніе здоровья больного.

Всѣ общія болѣзни (сахарное мочеизнуреніе, ожирѣніе и пр.), равно какъ и инфекціонныя (инфлюэнца, ревматизмъ, лихорадочныя сыпи и пр.), протекаютъ значительно благоприятнѣе благодаря употребленію **CASCARINE LEPRINCE** (Каскаринъ Лепрэнсъ). Ученые вполне подтверждаютъ научное значеніе этого средства, которое въ рукахъ опытнаго врача является превосходнымъ орудіемъ борьбы съ болѣзью. 37408

ДАРОМЪ!

Прейсъ-кур. стереоскоповъ, картинъ, открыт. и новостей. Треб. агенты.—Варшава, Вержбовая, 2.—Генер. аг. Акц. О-ва „Н. П. Г.“ Вац. Ян. Державски. 37344

„GILLETTE“

(ЖИЛЛЕТЪ)

36951 36-17

БРИТВЕННЫЙ АППАРАТЪ

съ СОГНУТЫМЪ лезвіемъ

НЕ НАДО ПРАВИТЬ И ТОЧИТЬ!

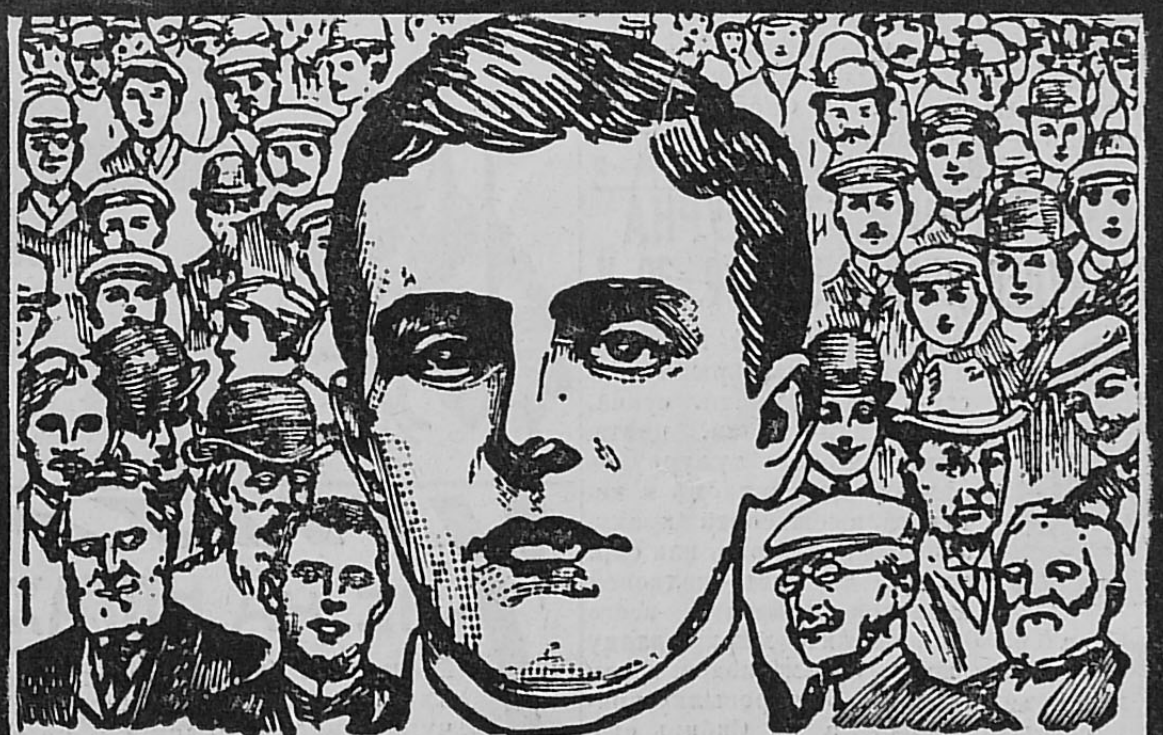
ЗАЛОГОМЪ БУДУЩАГО ЗДОРОВЬЯ

каждаго человѣка является цѣлесообразное и гигиеническое питаніе въ періодъ младенчества.

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

признана выдающимися медицинскими авторитетами самой соответственной пищей для младенцевъ и дѣтей.

Остерегайтесь поддѣлокъ. Настоящая только въ русской упаковкѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Я ВДВОЕ СИЛЬНѢЕ,

ЧѢМЪ БЫЛЪ КОГДА-ЛИБО. ТАКІЯ ПИСЬМА ПОЛУЧАЮТСЯ НАМИ ЕЖЕДНЕВНО И ХРАНЯТСЯ ТЫСЯЧАМИ.

МУЖЧИНЫ!

если Вы страдаете ОБЩЕЮ И ПОЛОВОЮ СЛАБОСТЮ, ОНАНИЗМОМЪ и его послѣдствіями, РОБОСТЮ, СЛАБОЮ ПАМЯТЮ, послѣдствіями венерическихъ болѣзней, бессонницею, головными болями, если Вы НЕРВНЫ, РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫ, ПЕРЕУТОМЛЕННЫ—потребуйте немедленно открыткой нашу книгу. Она объяснитъ Вамъ причину Вашихъ страданій и укажетъ правильный путь къ ихъ устраненію. Корреспонденція сохраняется въ строжайшей тайнѣ. Высылается въ закрыт. конвертѣ безъ фирмы **БЕЗПЛАТНО.** Требованія адресовать: Россійско-Американскому Аптекарскому Т-ву отд. 17, С.-Петербургъ, Почтов. ящ. № 371. 37174 5-3

№ 4711. Eau de Cologne

Въ переполненномъ театрѣ,

концертномъ залѣ, вообще въ душливо жаркой атмосферѣ закрытыхъ помѣщеній „4711“ о-де-колонъ съ сине-золотистымъ ярлыкомъ является пріятнѣйшимъ освѣжительнымъ средствомъ, дѣйствующимъ чрезвычайно благотворно. — Великолѣпно оживляетъ и освѣжаетъ нервы, лицо и кожу.

Слѣдуетъ употреблять однако исключительно „4711“ на сине-золотистомъ ярлыку „4711“ лѣлкѣ. — Дистиллированъ по древнѣйшему собственному оригиналь-рецепту только изъ неподдѣльныхъ, наилучшихъ и отборнѣйшихъ основныхъ веществъ. — Въ интересахъ своего самочувствія слѣдовало бы всегда имѣть при себѣ флаконъ „4711“ о-де-колона.

Цѣна флакона:
60 коп., 1 руб.,
1 руб. 50 коп.

ЗИМН. БРЮКИ РЕЙТУЗЫ

за 2 р. 75 к. из прочной зимн. диагонали, хорошо шит., цвѣта: черн., т. и св.-син. и зеленый. Указать длину брюкъ, шага и объемъ пояса. Высыл. почтой налож. плат. безъ задатка. За перес. 55 к., въ Сибирь — 95 коп., при выпискѣ 3-хъ брюкъ перес. за нашъ счетъ. Не понав. возвр. деньги. Адр.: Лодзь, 6, фабр. МАРГУЛЕСА, почт. ящ. 562.

2 пары ботинокъ за 5 р. 75 к.

Мужск. или дамск. шнур., по-вѣш. фас., на шнильков. подош., прочн., элэг., стоящ. преж. 15 р. Кожа черн. или корич. Указ. № носим. ботин. или № гал. Заказы исп. налож. плат. безъ зад. Перес. по почт. тар. При зак. 4-хъ паръ перес. за нашъ счетъ. Не-подход. приним. для обмѣн. или возвр. ден. Адресов.: А. КИВМАНУ, Лодзь, № 30-0

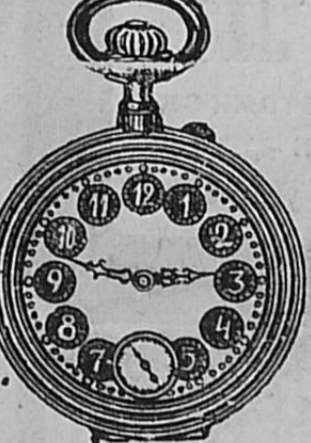
Торг. Домъ Льва Рубашкина, Лодзь, Н. М.

ПЛЮШЕВЫЯ ОДѢЯЛА

по 6 р. 5 к. за пару, лучш. сорта по 7 р. 5 к. пару. Для ознакомл. розничн. покуп. высыл. одѣяла самаго лучшаго качества, плюшев., пушистыя, больш. размѣра, двухсторонн. изъ лучш. бухарск. хлопка, самыхъ изысканн. роскошн. рисунк., могущ. служить украшеніемъ любой квартиры. За перес. 95 к., въ Сибирь 1 р. 25 к. При вып. 3-хъ паръ одѣял перес. за нашъ счетъ. Непо-нав. возвр. деньги сполна.

РУВЛЬ

95 коп. стоятъ наши часы анкеръ, патентъ, 1-ый сортъ, черн. во-рон. англійской стали, ходъ звучный на 18 камн., заводъ голов-кой разв. въ 46 час. съ пылепредохр. сте-кломъ, съ гарантіей на 6 лѣтъ. Въ виду приобрѣтенія большаго фабричнаго склада на-значили такую деше-вую цѣну. За пере-сылку налож. платеж. присчитывается 45 коп., въ Сибирь 75 коп. При заказѣ 3-хъ часовъ и болѣе пересылка наша. Торговый Домъ Бр. Любка, Лодзь, В—9.

ЗИМН. БРЮКИ, ТУЖУРКА И КАРАКУЛЕВ. ШАПКА ЗА 6 Р. 30 К.

высылаю почтой наложен. платеж. Готовыя брюки шер-стян. гладк. прочн. сукна, черн. или т.-син. цвѣта. Зимн. 2-хъ борт. тужурку съ отложн. воротничкомъ и ис-кусств. выш. сорта караку-левую шапку черн. или сѣр. цвѣта, на чисто-шелковой атласной подкладкѣ, всего за 6 р. 30 к. Укажите мѣрки: длину брювъ и шага, объемъ груди и объемъ головы. За пересылку присчитываю 65 к., а въ Сибирь еще 70 к., и если не понравится—прини-маю обратно. Адресуйте: М. А. БАБУШКИНЪ, Лодзь, Н. Шапка въ отдѣльности высылается за 2 руб., а брюки и тужурка за 4 р. 30 к.

„PILULE MARBOR“ (ПИЛЮЛИ МАРБОРЪ)

Эти пиллюлы благотворно отражаются на здоровьи, онѣ не имѣютъ себѣ со-перниковъ для развитія, укрьпленія, придавая со-размѣрность, граціозную полноту, въ то же время не утолщя талии. Флаконъ съ наста-влен. 3 р. 50 к. фран. „PILULE MARBOR“ 5, Passage Verdean, 5, Paris. Дено въ С.-Петер-бургѣ, Аптека В. Бюлеръ, 49, Нев-скій пр.; въ Москвѣ — аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ, аптека Юротать; Тифлисъ — Парфюм. магаз. I. Б. Сегаль; въ Вильнѣ и Одессѣ, Гаваннал, 9.

Н И В А

РОЯЛИ И ПИАНИНО

Я. БЕККЕРЪ

С.-Петербургъ, Морская, 35
Каталогъ № 21 по востребованію.

ВИНА имѣнія „БОЛГАТУРЪ“

Н. Н. БЕКЕТОВА.

КРЫМЪ, ГУРЗУФЪ.

Продаются въ лучшихъ виноторговляхъ и ресторанахъ.

СОВЕТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: Невскій пр., 18. Тел. 414-05.

Въ Москвѣ: Арбатъ, д. Бобылева, Тел. 139-25.

Въ Харьковѣ: Сумская, д. 7.

Въ Севастополѣ: Нахимовскій просп.

Въ Ялтѣ: Набережная.

Въ Гурзуфѣ: Въ Алущѣ.

Въ Екатеринославѣ.

Въ Екатеринбургѣ.

Сохраняйте вашу красоту и молодость

посредствомъ аппарата „АФРО“ системы Д-ра Гар-лана, разр. Варш. врач. упр. за № 10261. Ни одна дама, обладающая этимъ гениальнымъ изобрѣтеніемъ, не должна бояться прыщей, угрей, морщинъ и т. п. недостатковъ кожи. При помощи аппарата „АФРО“ прыщи пропадаютъ въ большинствѣ случаевъ черезъ 60 секундъ, угри черезъ нѣсколько дней. Провалы на щекахъ заполняются, руки, шея округляются, мор-щины и складки на лбу, подъ глазами совершенно сглаживаются и все это поразительно быстро. Аппа-ратъ „АФРО“ дѣлаетъ тѣло свѣжимъ, крѣпкимъ, упру-гимъ, а кожу цвѣтущей, атласной, мягкой. Также для мужчинъ. Цѣна аппарата съ брошюрой и способъ употр. 2 руб., нал. плат. 25 коп. дорож. 0-во „Меркурій“, Лодзь. К. 8.

ДАНОЛИН

ОВИЙ КРЕМЪ
ОВОЕ МЫЛО
ОВАЯ ПУДРА

ПРЕВОСХОДНЫ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ
НѢЖНОСТИ КОЖИ! Г. А. Бригеръ, Рига.

Африканскія страусовыя перья!

Милліоны дамъ желаютъ украшать свои шляпки страусовыми перьями, но не всѣмъ таковыя были доступны по цѣнѣ. Наши роскошныя страусовыя перья доступны всѣмъ. За такую баснословную цѣну, какъ 1 р. 50 к., Вы получаете изысканное перо длиной 40 см., лучшаго сорта длиной 50 см. 2 руб., самаго высокаго качества 60 см. 3 руб. Наши перья можно носить десять лѣтъ, перекаладывая съ одной шляпки на дру-гую, и они всегда изысканн. За пересылку присчитывается 35 коп. При заказѣ 3-хъ перьевъ сразу пересылка за счетъ фирмы. Высылаются наложен. платежомъ по почтѣ. Адресовать: Главн. Представ. А. Живу, Лодзь.

НЕ НА НОГАХЪ, А НА РУКАХЪ

Вы носите Ваши чулки и носки, потому что они больше въ штюпкѣ, чѣмъ въ носкѣ; это общее явленіе. Избѣгайте его, покупая только чулки, носки, гладкіе и на резинѣ, безъ шва съ двойными пятками и носками изъ наст. англійск. шерсти (гарантия), прочной домашней работы, исполненные кустар. способ. въ городахъ, селахъ и дерев-няхъ на нашихъ авт. вязальн. машинахъ. Мы высылаемъ кому угодно за нашъ счетъ по полученіи стоимо-сти переводомъ или почтов. марками.

2 пары 1 р. 50 к., 6 паръ 4 р. 50 к., 12 паръ 8 р.

Торговцамъ скидка.

Томась Г. Виттикъ Кюнау, № 49, 23 А
Спбургъ, Невскій 49, 23 А

К Р У П Н Ы Й Ш Е Е

въ Россіи Ателье предлагаетъ художественное съ поразительнымъ сходствомъ увеличеніе портретовъ со всевозможныхъ фотограф. снимковъ.

Портретъ 10×12—120 квадр. вер. въ элегантномъ паспарту въ роскошной рамѣ, исполнен-ный тушью кистью, съ упаковкой 3 р., такой же 12×15—180 квадр. вершк.—6 р.; аква-релью 10×12 вер.—4 р., 12×15 вер.—8 р., при акварели необходимо указать цвѣтъ волосъ, глазъ и проч. Заказавшій любой портретъ получаетъ въ премію съ своей карточки портретъ на эмали брошь или булавку для галстука. Заказы съ оригиналами высыл-яются черезъ 15 дней наложен. платежомъ. Адресовать только въ Главную контору художественнаго ателье А. М. Х.-Дроздова, Невскій проспектъ, 67—7, С.-Петербургъ. Телеф. 142-04. Фирма сущ. съ 1899 г.

Подробный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

МАЗЬ ГАККЕЛЬ

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО
отъ насморка —
МАЗЬ ГАККЕЛЬ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
СПБ., Пушкинская Аптека, Пушкинск., 9.
Высыл. налож. плат. за 1 руб. 3 тубы.

ЕЩЕ НЕ БЫВАЛОЕ!!!

КАРАКУЛЕВАЯ ШАПКА

ТОЛЬКО за 2 руб.

изъ искусств., выш. сорта чернаго или т.-сѣр. каракуля, на черн. чисто-шелк. атл. подкл. При заказѣ указ. объ-емъ гол. Выс. нал. пл. безъ зад. За пересылку и упак. въ ящ. присчит. 55 к., въ Си-бирь 95 к. При зак. 3-хъ ша-покъ пер. за нашъ счетъ. За непопнр. возвр. деньги сполна.

Адр.: г. Бѣлостокъ, Т-во „БѣЛОСТОКСКІЙ ЭКСПОРТЪ“—Ж. Н.

Плюшевое пальто за 10 р. 90 к.

Высылаемъ почтой налож. платеж. дамское пальто шер-стян. плюша, сшитое по по-слѣднему фасону, шалевый воротничкъ на ватѣ и хорошей подкладкѣ длиной до 105 сат., 10 р. 90 к., длиной до 125 с., 12 р. 25 к. Такое же пальто изъ плюша подъ котикъ, са-мое модное, длиной до 105 с., 14 р. 50 к., длиной до 125 с., 16 р. 50 к., за упаковку въ ящикъ и пересылку присчиты-вается 1 р. 20 к., а въ Сибирь разница въсовыхъ; укажите мѣрку: объемъ груди, длину рукавовъ; если не понравится, обр. приним. Адр.: М. А. Бабушкинъ, Лодзь.

ЕСЛИ ВЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО

желаете познать себя и другихъ, то не увле-кайтесь всевозможны-ми безплатными пред-ложеніями. Пришлите почеркъ свой или инте-ресующей Васъ лично-сти, сообщите при этомъ имя, годъ, мѣсяцъ и число рожденія, изъ сколькихъ душъ состоитъ личная семья писавшаго. По этимъ даннымъ Вы немед-ленно получите заказнымъ письмомъ СТРОГО-НАУЧНЫЙ АСТРО-ГРАФОЛОГИЧЕ-СКІЙ АНАЛИЗЪ ХАРАКТЕРА, НАКЛОННО-СТЕЙ И ДАРОВАНІЯ. ТОЧНОЕ ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПРОШЛАГО, НАСТОЯЩАГО И БУДУ-ЩАГО. Анализъ высылается за 1 р. 14 к. (можно почтовыми или сберегат. марками только въ зак. пис.), налож. плат. на 20 к. дор. Адр.: ЛОДЗЬ, КАМЕННАЯ, 15—6. Психо-графологу Н. ПОСВОЛЬСКОМУ. 2-2

СПИРТОВЫЯ ГОРѢЛКИ

АМОРЪ

MODÈLE DE LUXE
ДАЮТЪ ПРИЯТНЫЙ
БѢЛЫЙ, СИЛЬНЫЙ
СВѢТЪ.

ПОДХОДЯТЪ
КО ВСѢМЪ
И МѢЮЩИМСЯ
ЛАМПАМЪ.
НЕ ТРЕБУЮТЪ
УХОДА.

БЕЗОПАСНЫ
ГОРЯТЪ БЕЗЪ КО-
ПОТИ И БЕЗЪ
ЗАПАХА.

Сила свѣта.	Стоимость горѣнія.	Цѣна
60 свѣч.	1½ к. въ часъ	Р. 3.40
30 "	¾ " "	" 3.-

Отдѣльн. техническ. примѣненія спирта при РОССІЙСК. ОБЩ. ВИНОКУР. ЗАВОДЧИКОВЪ главнаго контора: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гороховая 52

ОТДѢЛЕНІЯ:
МОСКВА, Мясницкая, д. 92.
САРАТОВЪ, Московская, 61.
ОДЕССА, Ришельевская, 17.
СЕВАСТОПОЛЬ, Нахимовскій пр., 14.
РИГА, Большая Грѣшная, 25.
КАЗАНЬ, Воскресенская, 7.
ВИЛЬНО, Георгіевскій пр., 27.
СИМФЕРОПОЛЬ, Пушкинская, 19.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

во всѣхъ мѣстахъ и для всѣхъ бравшъ при- глашаются. Варшава, Центр. Поч. ящ. 534.

СЪ 1907 ГОДА

поср. наш. конторы болѣе тысячи людей достигли самостоятельнаго суще- ствования и основали съ очень мелк. затрат. доход. промышлен. заведения, что подтвержд. получ. нами сотн. бла- годар. отзывами. Подробности и по- таріально засвид. копіи дипломовъ и благодар. писемъ высылаемъ бесплатно К-ра завода „И. Я. МАРКЪ“, г. Либава. 87446

СРЕДСТВО

противъ ревматизма и подагры „Трей- зеръ“ можно достать во всѣхъ видныхъ ап- текарскихъ магазинахъ и аптекахъ. Иллю- стрированная брошю- ра съ подробнымъ опи- саниемъ вышеуказан- ныхъ болѣзней высылается бесплатно по первому требова- нію. Адресовать такъ: М. Е. ТРЕЙЗЕРЪ, № 37 Бангоръ Гаузъ, Шу-Лейнъ, ЛОНДОНЪ, 86455 Англія. 27-21

ПОЛТОРА

РУБЛЯ

КАРАКУЛЕВАЯ ШАПКА
изъ имитов., высшего сорта, черного каракуля, на чисто- шелк. атласной подкладкѣ. Указать объемъ головы. За упак. и перес. налож. плат. присчитыв. 55 к., въ Сибирь 95 к. При заказѣ 3 шапоъ и болѣе пересылка наша. Не понаврателъ—воз- вращаемъ деньги. 37420
Лодзь, Р.—6. Торгов. Дому Бр. ЛЮБКА.

ГЕВЕРТЬ-КОНКУРСЪ

Руб. 10,000 (Франк. 25,000)
37414 3-1

НАЛИЧНЫМИ

Окончательн. срокъ приема отпечат. 1-го Декабря 1912 г. Условия у Э. БОМОНЪ, Москва, 633, А. Генеральн. Представ. Акц. О-ва Л. Геверт и К° ВЕЛИЧАЙШЕЙ ВЪ МИРѢ ФАБРИКИ. ФОТОГРАФ. БУМАГ.

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ
„Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и стлчное слабительное средство.
Настоящая упаковка въ короб- кахъ краснаго цвѣта съ описа- ніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 20-16

Много денегъ зарабатывать можетъ вслѣд- ствіе и вездѣ, научивш. выдѣл. мыло и лампад- ное масло въ какихъ угодно пропорц., безъ об- завед. и устр., только по моему руковод. и ре- цепт. Товаръ обход. на 50% дешевле. Выст. нагр. и медали на русск. и иностр. выставк. Треб. также агенты для продажи мыла и масла моего завода. Подр. просп.-ближко высыл. за 1 семикоп. мар. Адресъ: Одесса, № 49, мыловаренный заводъ Х. Когона. 37323 4-3

КОСТЮМЪ ЗА 2 РУБ.

Несмотря на крайн. дешев., ма- тер. шевіотъ „Марокко“ не бу- мажн., а шерстин. и вполне замѣн. лучшія англ. матер., весьма крас., проч. и практич. Цвѣта: черн., т.-синій, коричн. и оливк. Цѣна отръза въ 4¼ арш. на полн. муж. кост. 2 р., лучш. сортъ за 2 р. 95 к. При заказ. 3 или болѣе отръз. перес. за нашъ счетъ. Не понаврателъ, возвращ. деньги. За перес. присч. 55 к. Высыл. нал. плат. по поч. безъ задатка. Адр.: Лодзь, 6, Т-во „ФАБРИКАНТЪ“ почт. ящ. 562.

90 руб. въ мѣсяць

заработка для всѣхъ при удобной домаш- ней работѣ. Разстоя- ніе не мѣшаетъ.

Условия высылаемъ бесплатно (10) МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИ- ЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ ИЗ- ДѢЛІЙ, Варшава, Новгородская, 9—12.

Исходатайствованіе на ИЗОБРѢТЕНІЯ привилегій (патентовъ) утвержденіе фабричныхъ рисунковъ и моделей, торговыхъ знаковъ и этикетовъ во всѣхъ государствахъ.

Инж. Д. М. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ, СПб., Невскій, 65—Д. Тел. 48—94.
Фирма существ. съ 1901 года.

СПУТНИКЪ БОЛЬНОГО И ЗДОРОВАГО

человѣка. Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней, ихъ лѣ- ченію и сохраненію здоровья. 37391 5-2
Первые 1000 экземпляровъ бесплатно, высылаемъ по первому требо- ванію: Т-во Ганимедъ, С.-Петербургъ, Коммерческій, № 10—6.

КТО СООБЩИТЬ

намъ свой адресъ, тотъ безъ затраты труда и капитала, гдѣ бы онъ ни жилъ, заработаетъ 75—100 руб. въ мѣсяць. На отвѣтъ прила- гайте 2 семикопеечныя марки. Адресъ: Московскій Торговый Союзъ, Москва, Мясницкая, Чудовской пер., домъ № 14. 37493

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ

КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, состав- ляетъ драгоценное украшеніе женщины и слу- житъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія. Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа не- благоприятствовала, могутъ улучшить свою фи- гуру съ помощью Пилюль Марборъ (Pi- lules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣ- хомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благо- творно дѣйствуютъ на здоровье и являются пре- восходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и восстановленія груди у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣй- ствію, кровообращеніе и составъ крови въ обла- сти груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь раз- вивается естественнымъ путемъ и ткань приобрѣ- таетъ упругость. Въ то же время впадины и вы- ступы костей исчезаютъ и общій видъ груди при- нимаетъ гармоническую пропорциональность; ни- какіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобныя результаты. Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ и дамамъ, грудь ко- торыхъ недостаточно развита или же впаля вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благоприятныхъ результа- товъ на долгое время. 37389

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка бесплатно.

PRODUITS MARBOR, 5, Passage Verdeau, Парижъ.

Въ С.-Петербургѣ обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлоръ, Невскій, 49; въ Москвѣ: аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ: апт. Юротатъ; въ Вильнѣ и Одессѣ: торг. домъ Б. Согалъ и Комп.; въ Варшавѣ: апт. Шпиеъ и сынъ.

Сущ. съ Эд. Эд. Новицкій. 20 нагр. 1891 г. на вист. С.-Петербург., Невскій, Пассажд., № 48. **ШТЕМПЕЛЯ И НАДПИСИ** 87429 всевозможные. 2-1
Требуемъ преисъ-кур. бесплатно. Приглаш. агенты на выгодн. условіяхъ.

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ

по небывало дешевой цѣнѣ художеств. откр. письма излщ. загранич. работы, копіи Третьяк. Дрезден. галл. Париж. Салона, пейзажи, ландшафты, любов- ныя, а также копіи картинъ знам. худож. Верещагина изъ Отечества. Войны 1812 г. Ассортиментъ въ 100 шт. всего 95 к., 300 шт. 2 р. 50 к.; за пересылку отъ 100 шт. 35 к., отъ 300 шт. 65 к. Высылаемъ съ налож. плат. Адресовать: М. П. Капу, 1 отд., № 8, гор. Лодзь.

ПЛЮШЕВОЕ ПАЛЬТО за 10 р. 90 к.

Высылаемъ почтой налож. платеж. дамское пальто шер- стин. плюша, сшитое по по- слѣднему фасону, шалевый воротникъ на ватѣ и хорошей подкладкѣ длиною до 105 сант. 10 р. 90 к., длиною до 125 с. 12 р. 25 к. Такое же пальто изъ плюша подъ котикъ, са- мое модное, длиною до 105 с. 14 р. 50 к., длиною до 125 с. 16 р. 50 к., за упаковку и пересылку присчитывается 1 р. 20 к., а въ Сибирь раз- ница вѣсов.; укажите мѣрку: объемъ груди, длину рукав.; если не понаврателъ, обр. приним.

Адрес.: А. КИВМАНУ, Лодзь, № 30—0. 37436

БУХГАЛТЕРІЯ

ЗАОЧНО стъ безплатными приложениями. Программа, пробная лекція БЕЗПЛАТНО. Адрес: книгоиздатель- ство „Кругъ Самообразования“, С.-Петер- бургъ, Невскій пр., 92—30. (6)

Торгов. домъ ЛЬВА РУБАШКИНА, Лодзь Н, предлагаетъ еще небывало **КАРАКУЛЕВАЯ ШАПКА** только за 2 руб. (4)
изъ искусств. выш. сорта черн. или т.-сѣр. каракуля на черн. чисто шелк. атласн. подклад. При заказѣ указ. объемъ головы. Высыл. нал. пл. безъ зад. За пер. и упак. въ ящикѣ присч. 55 к., въ Си- бирь 95 к. При заказѣ 3-хъ шапоъ перес. за нашъ счетъ. Безъ риска. Непонрав. при- ним. обратно и возвращ. деньги сполна.

Торг. Домъ Льва Рубашкина Лодзь, Н. М. высыл. почтой съ налож. плат. безъ задатка. костюмъ и куртку за 5 р. 50 к. 1) 4¼ арш. шерст. „Трико“ 2-ой ширины, прочн. и элегантн. выдѣлки, на полн. мужск. костюмъ и 2) готов. 2-хъ борти. визан. куртка, необходим. кажд. для зимы, по указан. мѣр. За пересыл. костюма и куртки присчт. 55 к. въ Сибирь 95 к. При заказѣ 3-хъ и болѣе паръ пересылка наша. Безъ риска, за непонрав. товаръ возвращ. деньги сполна. 37428

LOTION DEQUEANT

ВОЛОСЫ БОРОДА БРОВИ РЪСНИЦЫ
Умываніе Людвига Декантъ. Средство для рошенія волосъ, прекращаетъ выпаденіе, предупреждаетъ сѣдину, возврашаетъ первоначальный цвѣтъ, безъ употребленія краски, во всякомъ возрастѣ и во всѣхъ случаяхъ. Свѣдѣнія бесплатно. Высылаемъ безвозмездно излеченіе изъ Отчета, принятаго Академіей Медицины въ Парижѣ. Письменно п лично: L. DEQUEANT, Ph^{en}, 38, rue Clignan- court, Paris. Остерегаться многочисленныхъ подражаній и поддѣлокъ. *Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.*

ЗДОРОВОЕ ДИТЯ—СЧАСТЬЕ МАТЕРИ

ПИЩА „АЛЕНЪЗРИСЪ“
Лабораторія Allen & Hanburys, Ltd., London.
При искусственомъ вскармливаніи грудныхъ дѣтей **ЕДИНСТВЕН- НАЯ**, вполне замѣняющая мате- ринское молоко **СЪ ПЕРВАГО ДНЯ РОЖДЕНІЯ РЕБЕНКА.**
Брошюры высылаются бесплатно главн. представителемъ для Россіи М. М. Селятревнымъ, Москва, поч. ящ. 399. Продажа во всѣхъ апте- кахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Состоится подъ августѣйшимъ покровительствомъ государын императрицы **АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ**

ПОПЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

для сбора пожертвованій на ремесленное образованіе бѣдныхъ дѣтей

ПРОСИТЬ всѣхъ жертвовать (21) **НЕУЖНЫЯ ВЕЩИ** обременяющія всякое **ХОЗЯЙСТВО** СОБИРАЕТЪ ТОЛЬКО ТО, ЧТО НИКОМУ НЕ НУЖНО.

Просить ничего не сминать и ничего не бросать въ мусорныя ямы, все будетъ принято съ благодарностью.
По намъному требованію присылать артель- щина, который обязанъ жертвователю выдавать квитанцію, какъ бы мало пожертвованіе не было.
Тарасовъ пер., 26-а.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПб., ул. Гоголя, 22.
Чеховъ, Ант. „Вишневый садъ“. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна съ перес. 40 к.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерч. образованіе. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ. Обширная программа. СТЕНОГРАФІЯ. Разрочка. АТТЕСТАТЪ. Проспектъ безплатно. СПб., Редакція „КОММЕРЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ“—Р.

ПОДГОТОВКА КЪ НѢМЕЦКИМЪ ЭКЗАМЕНАМЪ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ. Начальные и высш. курсы. МАРІЯ ЗАМУЛОНЪ. Берлинъ W. Schöneberger Ufer, 36-a I. рт. Приемн. час.: вторникъ, среда, четвергъ, пятница отъ 12—1 ч. дня.

ФОТОГРАФ. снимки парижск. красавицъ для любителей интересн. каталоги, содерж. около 150 разн. серій и другихъ новостей съ ихъ подробн. описан. высыл. въ закр. пакетѣ по получ. 2x7 к. марокъ. Адр.: М. Липмановичъ, Лодзь, ком. ящ. 526. А.

УЧИТЕСЬ веденію всѣхъ судебныхъ и другихъ дѣлъ и составленію всевозможныхъ бумагъ. Проспекты высылаемъ безплатно. Изд. А. ПАЛУБА, Сѣдлецъ, 22/50.

МАГАЗИНЪ „ПЧЕЛА“. Москва, Арбатская пл., д. Шеншиной.

Письменные и чертеж. принадл. Игрушки, игры и занятія. Подарочные вещи и РОСКОШНЫЕ ЕЛОЧНЫЕ НАБОРЫ. Требуется иллюстрированный каталогъ.

КАРАКУЛЕВАЯ ШАПКА за 2 рубля изъ искусствен. высшего сорта чернаго и сѣраго каракуля на черной чисто-шелков. атлас. подкладкѣ. При заказѣ указ. объемъ головы. Высыл. налог. платеж. безъ задатка. За перес. и упак. въ ящикѣ прич. 55 к., въ Сибирь 95 коп. При заказѣ 3-хъ и болѣе шапокъ пересыл. за нашъ счетъ. За непорав. возвращ. деньги. Лодзь, 37411 складъ Ш. РОЗЕНТАЛЯ.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта! БОЧКИ желѣзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и хранения спирта, керосина, масла, кислоты и пр., изготовляетъ заводъ Г. РЮЛИНГЪ Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья. Прейсъ-курантъ безплатно.

Вышла 3-имъ дополн. изданіемъ книга Е. Д. КИРЮШИНА:
1) **„Вычисленія на счетахъ“.** Легкіе приѣм. быстр. вычисл. на всѣхъ ариом. дѣйств. надъ цѣл., дробн. и имев. числ., вычисл. пр. и сл. 0/0, товар. вычислен., факт., калькул. и проч. 176 стр., ц. 1 р. Его же: 2) **„Сборн. зад. для упражн. на счет.“** 80 стр., ц. 50 к. 3) **„Умн. и дѣл. при пом. особ. табл.“** 72 стр., ц. 50 к. Выпущенъ отъ автора 3 назв. кн.—100% скидки. Можно налог. плат. Перес. за сч. заказъ. 37422 Адр.: Москва, Тверская, Курсы бухгалт. Езерскаго, Е. Д. Кирюшину.

САМИ СЕБЯ ОБУЧАЙТЕ

Наша оригинальная система заочнаго обученія успѣла завоевать себѣ прочное положеніе среди русской учащейся молодежи. Количество учениковъ нашихъ съ каждымъ днемъ растетъ и многочисленные отзывы о нашихъ заочныхъ курсахъ вполне доказываютъ, что всюду, гдѣ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ нельзя пользоваться услугами учителя, наше преподаваніе вполне замѣняетъ его. Если Вы желаете подготовиться къ какому-либо экзамену по курсу средн. учебн. заведеній: на аттестатъ зрѣлости, на званіе учителя, —цы, на классн. чинъ, на аттест. учен. и т. д., то проходите курсъ по нашему изданію **„ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“**, которое состоитъ изъ 25 выпусковъ, каждый въ 250—300 страницъ большого формата, снабжено рисунками, чертежами, иллюстраціями. Изъ печати вышло 22 выпуска. Цѣна за выпускъ 1 р. 50 к. (включая пересылку). Каждому, желающему въ наискратчайшій срокъ, безъ помощи учителя, научиться какому-либо иностранному языку: французскому, нѣмецкому или англійскому, необходимо прибѣгнуть къ нашему изданію **„АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ“**. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 выпусковъ большого формата и содержитъ болѣе 1000 страницъ. Изъ печати вышло по 5 выпусковъ каждаго языка. Цѣна за кажд. вып. 1 р., налог. плат. 1 р. 20 к. Въ средн. числахъ ноября с/г. выйдетъ изъ печати 1-й томъ новаго изданія **„АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ“**. Предназначается для всякаго коммерческаго дѣятеля. Въ курсъ войдутъ: бухгалтерія, коммерч. корреспонд., коммерч. ариметика, эконом. географія, товаровѣденіе, полит. экономія, гражданское, торговое, государств. право и мн. друг. Изданіе будетъ состоять изъ 15 выпусковъ, каждый въ 250 страницъ. Цѣна за кажд. вып. 2 руб., налог. плат. 2 р. 20 к. Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. Габуловичъ, преп. СПб. Полит. Инст. Пернэ, проф. Рейснеръ, проф. Святловскій, прив.-доц. Тотоміанецъ, препод. Высш. Коммерч. Курс. Чернышевъ, д-ръ соц. наукъ Шленгеръ и мн. др. пред. высп. и средн. учебн. зав. СПб. При Издательствѣ имѣется постоянное бюро, которое руководитъ занятіями учениковъ и проверяетъ присылаемые работы безплатно. Для ознакомленія выпуски „Гимназія на дому“ высылаются за 1 р. 50 к., а „Академія иностр. языковъ“ за 1 р. 20 к. наложеннымъ платежомъ. Подробные проспекты вышеупомян. изданій, отзывы печати и учениковъ высыл. безплатно. Издательское Товарищество **„Благо“**, С.-Петербургъ, Невскій пр., 88-Е. Нужны энергичные представители.

на МАНДОЛИНѢ, ГИТАРѢ ЗАОЧНО изучивъ играть въ 30 уроковъ. Условія заочн. обуч. высылаемъ безплатно. Москва, Срѣтенка, 21/7 „КУРСЫ МУЗЫКИ“ Заочн. лекція удосв. золот. мед.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ? Побочн. заработ. для кажд. Подробн. просп. за двѣ семк. мар. Адресъ: Киевъ, ред. газ. „Народная Коштыка“, отд. 3.

300 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ и болѣе можетъ зарабатывать каждый мужчина легко у себя дома. Совершенно новые пути къ богатству. Подход. и для побочн. заработка. Подр. брошюра и проспекты безс-1 платно. Лодзь, 6, почт. ящикъ 367.

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА М. А. СОКОЛОВОЙ. Москва, Тверская ул., Газетный пер., д. Фальцфельдъ. Имѣетъ въ продажѣ всѣ новѣйшія пьесы. Заказы и погрудимъ исполняются немедленно. Каталоги съ обозначеніемъ числа дѣйствующихъ лицъ высылаются безплатно.

ОБУЧАЮ РЕМЕСЛАМЪ весьма ходк. посредствомъ письменныхъ рецептовъ. Подробности безплатно. **Варшава, Медовая, 3. И. М. МАТУЗОНУ.**

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ для устройства и перестройки **Крахмальныхъ, паточныхъ, декстриновыхъ и саговыхъ заводовъ В. Г. УЛАНДЪ,** об. съ огр. отв. **Лейпцигъ-Голисъ.** Проспекты высылаются безплатно.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА! Знаете ли, какъ готовится граммофонная пластинка? Видали ли Вы, какъ производятся записи звуковъ? Все это Вы теперь легко можете не только видѣть, но и съ успѣхомъ продѣлывать безконечное число разъ при помощи нашего новозобрѣтеннаго аппарата „Перфектъ“, стоящаго всего только 10 р. Поспѣшите воспользоваться этой новинкой, и Вы имѣете всегда къ услугамъ пластинки собственныхъ напѣвовъ. Полный иллюстрированный каталогъ граммофоновъ, швейныхъ машинъ, велосипедовъ, кинематографическихъ аппаратовъ и проч. высылаемъ безплатно по требованію. Адресъ: **Международн. Экспортъ Х. Финкельштейнъ, Германия—Берлинъ, ул. Кантъ, 120/1. Exporthaus H. Finkelstein, Berlin, Kantstrasse, 120/1.**

Изданія Т-ва А. Ф. Марксъ, СПб., ул. Гоголя, 22.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІИ В. И. ТЮТЧЕВА. Подъ редакціей П. В. БЫКОВА. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, біографическимъ указателемъ, примѣчаніями, вариантами, факсимиле и портретомъ. Новое 6-е изданіе, исправленное и дополненное. Большой, изящно изданный томъ, 694 стр. in 8°, на хорошей бумагѣ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 40 к.; въ переплетѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 20 к.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ **два новыхъ сборника** **„ФІОРДЫ“** 1) Десятый сборникъ **„ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ“.** Содержаніе: Яковъ Буль. „Торжество жизни“. Романъ.—Гельге Роде. „Два графа“. Драма. 2) Одиннадцатый сборникъ **„У МОРЯ“.** Содержаніе: Альвильда Прюдцъ. „У моря“. Романъ.—Каренъ Брамсонъ. „Трагедія власти“. Драма. Цѣна каждаго сборника „Фіордовъ“ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

— Контора „Нивы“ считаетъ долгомъ обратить вниманіе гг. подписчиковъ на то, что на изготовленныхъ нашею переплетною крышкахъ къ соч. Н. Г. Помяловскаго, А. И. Куприна, А. А. Фета и Оск. Уайльда вытиснены: надпись „Заявленъ Отдѣлу Промышленности“ и утвержденная марка Товарищества, и что нашего изготовленія являются только переплеты съ указанной надписью и маркой и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ. Съ своей стороны, Контора будетъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ всякую поддѣлку.

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНІЯ „Нивы“ 1912 г.

изготовленные изъ лучшаго англійскаго колера, съ красивыми тисненіями золотомъ и красками по рисунку художника Я. Я. Бельзена и др. **1 крышка** на полн. собраніе сочиненій (въ 5 кн.). **Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО** Цѣна: 25 к., съ перес. 40 к. **4 крышки** на полное собраніе сочиненій (въ 21 кн.). **А. И. КУПРИНА** (по одной крышкѣ на каждыя 5—6 книгъ). Цѣна: 4 крышк. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. **2 крышки** на полное собраніе стихотвореній (въ 6 кн.). **А. А. ФЕТА** (по одной крышкѣ на каждыя 3 книги). Цѣна: 2 крышк. 50 к., съ перес. 75 к. **2 крышки** на полн. собр. сочиненій (въ 8 кн.). **Оск. УАЙЛЬДА** (по одной крышкѣ на каждыя 4 книги). Цѣна: 2 крышк. 50 к., съ перес. 75 к. Крышки имѣются красн., зелен., коричн., бордо, кремъ, орѣх. и синяго цвѣтовъ. При выпискѣ крышекъ просимъ обозначать 2—3 желательныхъ цвѣта на случай замѣны распроданнаго цвѣта другимъ.

1 крышка на журналъ „НИВА“ 1912 г. Цѣна этой крыш. на полн. томъ журн. за весь годъ—75 к., съ пер. въ Европ. Рос. 1 р. Выписывающіе одновременно крышки на соч. Помяловскаго, Куприна, Фета и Уайльда, на „Ниву“ и „Лит. Прил.“ платятъ за совмѣстную пер. въ Европ. Рос. лишь 1 р.

3 крышки на 12 книгъ „Литературныхъ Приложеній“ за 1912 г. (по 1 крышкѣ на 4 книги). Цѣна 3 крышк. 75 к., съ перес. 1 р.

КРЫШКИ НА „НИВУ“ И ПРИЛОЖЕНІЯ прошлыхъ лѣтъ:

Соч. **ГАРШИНА**. Ц. 1 крышкѣ на полн. собр. соч. 25 к., съ перес. 40 к. Соч. **МЕЯ, ГОРБУНОВА**. Ц. 2 крышк. на соч. каждаго автора 50 к., съ перес. 75 к. Соч. **ГАУПТМАНА, ЖУКОВСКАГО**. Ц. 3 крышк. на соч. каждаго автора 75 к., съ перес. 1 р. Соч. гр. **А. ТОЛСТОГО, ГЕНР. ИБСЕНА**. Ц. 4 крышк. на полн. собр. соч. кажд. автора 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Соч. **ГАМСУНА**. Ц. 5 крышк. на полн. собр. соч. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Соч.: **УСПЕНСКАГО, ГЕЙНЕ, ГОГОЛЯ, ГРИГОРОВИЧА, БОБОРЫКИНА**. Цѣна 6 крышк. на полн. собр. сочинен. каждаго изъ означенныхъ 5 авторовъ 1 р. 50 к. съ перес. 2 руб. Соч. **МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО, ДАНИЛЕВСКАГО, ГОНЧАРОВА, ТУРГЕНЕВА**. Цѣна 7 крышк. для полн. собр. соч. каждаго изъ означенныхъ 4-хъ авторовъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к. Соч. **ПИСЕМСКАГО**. Цѣна 8 крышк. на полн. собр. сочиненій 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Соч. **САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА, СТАНЮКОВИЧА, ЛЬСКОВА, ДОСТОЕВСКАГО**. Цѣна 12 крышк. на полн. собр. соч. каждаго изъ этихъ 4-хъ авторовъ 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к. Соч. **ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА**. Цѣна 16 крышк. на полн. собр. соч. 4 руб., съ перес. 4 р. 75 к. Соч. **АНТ. П. ЧЕХОВА**. Ц. 9 кр. на полн. собр. соч.—2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к. (Ц. 6 крышк. на 16 том. (1903 г.)—1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Ц. 3 кр. на дополн. 12 кн. (1911 г.)—75 к., съ перес. 1 р.) Цѣна 1 крышки на полный томъ журн. „Нива“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 к., съ перес. въ Европ. Россіи—1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 книгъ **Ежем. Литер. Приложеній** за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 коп., съ перес.—1 руб.

Требованія адресовать въ Контору журнала „НИВА“, СПб., ул. Гоголя, 22.